

**РУКОПИСИ,
СТАРОПЕЧАТНЫЕ
И РЕДКИЕ КНИГИ
В СОБРАНИЯХ РОССИИ**

**ПОСВЯЩАЕТСЯ ЮБИЛЕЮ
ЕЛЕНА ИВАНОВНА ДЕРГАЧЕВОЙ-СКОП**

**НОВОСИБИРСК
2018**

УДК 09(470)
ББК 76.10
DOI 10.20913/978-5-94560-276-2-2018
P85

Рукописи, старопечатные и редкие книги в собраниях России :
P85 сб. науч. ст. / Гос. публич. науч.-техн. б-ка Сиб. отд-ния Рос. акад. наук,
Новосиб. гос. ун-т ; сост. и отв. ред.: Г. А. Лончакова, И. А. Шилова,
В. В. Подопрigора. – Новосибирск, 2018. – 660 с. : ил. – (Серия «Книга
и литература»).

ISBN 978-5-94560-276-2

Сборник научных статей «Рукописи, старопечатные и редкие книги в собраниях России» включает исследования различных аспектов книжно-письменной культуры и литературы русского Средневековья. Публикуемые статьи отражают вопросы бытования отдельных памятников древнерусской письменности, а также некоторых четьих сборников постоянного и переменного состава, затрагивают отдельные аспекты изучения древнерусских нотированных рукописей. Публикуются новые материалы по истории Сибири. Сборник также знакомит читателей с результатами археографической деятельности, включая полевые исследования на территории Сибири и итоги камеральной археографической работы в хранилищах России (картотека архивных данных, описание отдельных рукописей и др.).

Сборник выходит в серии «Книга и литература» и выпускается отделом редких книг и рукописей Государственной публичной научно-технической библиотеки СО РАН и кафедрой источниковедения литературы и древних языков Гуманитарного института Новосибирского государственного университета. Издание предназначено для широкого круга исследователей: историков и филологов, преподавателей высшей школы и всех читателей, которым небезразлично историческое прошлое Отечества и Сибири.

Сборник посвящен юбилею доктора филологических наук, профессора Новосибирского государственного университета Елены Ивановны Дергачевой-Скоп.

Рецензенты:

*д-р филол. наук, профессор Л. Г. Панин,
д-р ист. наук, профессор Н. П. Матханова*

ISBN 978-5-94560-276-2

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Государственная публичная научно-техническая библиотека
Сибирского отделения Российской академии наук
(ГПНТБ СО РАН), 2018
© Авторы, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОГРАФИЯ КНИЖНЫХ ПАМЯТНИКОВ. РУКОПИСНАЯ И СТАРОПЕЧАТНАЯ КНИЖНОСТЬ

<i>Вялова С. О.</i> Круг хорватского средневекового чтения (глаголические сборники XV в. нелитургического содержания собрания И. Берчича).....	11
<i>Вовина-Лебедева В. Г.</i> К вопросу о предыстории редакции Оболенского Нового летописца.....	33
<i>Илюшечкина Т. Н.</i> Археографический обзор сборников с «Описанием Сибири» и отдельных списков сочинения.....	45
<i>Есипова В. А.</i> К вопросу об изучении словесной культуры Сибири XVII–XVIII вв.: рукописи из хранилищ г. Томска.....	103
<i>Попова Т. Г.</i> «Сибирский Лествичник» Филофея Лещинского и его рукописи.....	115
<i>Лончакова Г. А.</i> Триодный торжественник особого состава: описание ...	129
<i>Юдин А. А.</i> Азбуковник Давида Замарая: «польско-литовские» материалы	169
<i>Вознесенский А. В.</i> Книжная справа в ранней истории московского книгопечатания.....	199
<i>Полетаева Е. А.</i> Старопечатный Пролог 1662 г. и рукописная проложная традиция XVI–XVII вв.	209
<i>Исаченко Т. А.</i> Русский перевод «Хрисмологиона» с дополнениями Николая Спафария, преподнесенный московскому царю в 1673 г.	327
<i>Мудрова Н. А.</i> Книги кириллической печати XVII–XVIII вв. – вклады Строгановых в фонде Сольвычегодского историко-художественного музея	361
<i>Бородихин А. Ю.</i> Памятники книжной старины старообрядческих скитов (по материалам полевой и камеральной археографической работы 2010-х гг.).....	375
<i>Дергачева И. В., Дергачев В. В.</i> Картотека архивных данных: описи монастырей и церквей, рукописные сказания о монастырях и иконах, исторические описания городов	417
<i>Рафийенко Л. С.</i> Выдающиеся преподаватели и выпускники старейшего учебного заведения Западной Сибири (заметки библиографа)	449

ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕРУССКОЙ И СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ КНИЖНОСТИ. ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

<i>Степанова А. Ю.</i> Проблема истории текста «О письменах» черноризца Храбра: ранняя русская редакция.....	465
<i>Панич Т. В.</i> «Повесть о путешествии Иоанна Новгородского на бесе в Иерусалим» из Собрания рукописей Института истории СО РАН	477
<i>Журова Л. И.</i> Слово о достоинстве брака в русской публицистике XVI в.....	489

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Журавель О. Д.</i> Книжные плачи в творчестве Андрея Денисова	499
<i>Агеева Е. А.</i> Староверие Причудья: история и книжность	511
<i>Васильев В. К.</i> Рассказ В. М. Шукшина «Страдания молодого Ваганова» в архетипическом контексте	535

ДРЕВНЕРУССКОЕ ПЕВЧЕСКОЕ ИСКУССТВО

<i>Кручинина А. Н.</i> Нотированные рукописи Софийского собрания Российской национальной библиотеки.....	569
<i>Рамазанова Н. В.</i> Художественные и музыкально-поэтические образы в иллюминированной старообрядческой рукописи Российской национальной библиотеки.....	581
<i>Казанцева Т. Г.</i> Певческая азбука П. Ф. Фадеева: к вопросу о традициях и новациях в поморской богослужбно-певческой культуре первой половины XX в.....	603

AD JUBILAEUM

<i>Гузнер И. А.</i> Они были первыми (из воспоминаний).....	621
<i>Алексеев С. Т.</i> «Слово» (отрывки из романа).....	643
Список сокращений	655
Сведения об авторах статей	657

В. К. ВАСИЛЬЕВ

**РАССКАЗ В. М. ШУКШИНА
«СТРАДАНИЯ МОЛОДОГО ВАГАНОВА»
В АРХЕТИПИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ**

УДК 821.161.1.09

DOI 10.20913/978-5-94560-276-2-2018-535-566

На основе изучения библейско-византийско-древнерусской письменной традиции автором предложено описание архетипических сюжетно-мотивных комплексов / моделей, лежащих в основе средневековых сочинений о «добрых» и «злых женах»; показано, что они реализуются также в творчестве В. М. Шукшина.

Ключевые слова: структурные универсалии литературного текста, архетипика, психологема, взаимодействие древнерусской и новой литературы, структура образа, злые и добрые жены, сюжетно-мотивные комплексы, творчество В. М. Шукшина.

V. K. Vasiliev

Story “Stradania molodogo Vaganova” (literally “The Sorrows of Young Vaganov”) by V. M. Shukshin in archetypical context

Basing on study of Bible-Byzantium-Old Russian written tradition the author introduces description of archetypical subject-motive complexes/models, which are the bases of medieval oeuvre about “evil” and “kind wives”, it is shown that they have been realised in oeuvre of V.M. Shukshin as well.

Key words: structural universal of the literary text, archetype, psychological element of the text, integrity of Old Russian and New Russian literature, image structure, evil and kind wives, subject-motive complexes, oeuvre of V. M. Shukshin.

Прежде чем обратиться к названному рассказу, необходимо рассмотреть проблематику, без которой его архетипический (глубинный психоаналитический) анализ невозможен. О чем забыло сегодня массовое литературоведение? О существовании стратегии поиска (структурных) универсалий, пронизывающих литературные тексты. Суть данной стратегии отчетливо оформилась *еще полтора столетия назад*, прежде всего в работах академика А. Н. Веселовского (1838–1906).

Почему эта стратегия забыта? Полагаю, в первую очередь потому, что всеми вольными или невольными последователями идей А. Н. Веселовского – формалистами, марксистами, структуралистами, типологами – *были получены лишь отрицательные результаты*. Особый пессимизм навел провал «структурально-семиотического» подхода, громко заявленного еще в период хрущевской оттепели Ю. М. Лотманом (1922–1993), будущим главой «тартуско-московской структуральной школы». Да и неудача марксистской концепции, призванной обосновать фундаментальную (!) научность большого интегрального проекта под названием «История всемирной литературы», оптимизма не добавила. Первоначально это академическое издание планировалось в десяти томах, но вышло в восьми, фактически было скомкано, не завершено. Концепция исторического монизма (для многих) ожидаемо не сработала: уж на слишком размытых критериях предлагалось объединить тексты мировой литературы ¹. В итоге появился замечательный

¹ Заявляя издание «марксистской истории всемирной литературы», Ю. Б. Виппер писал, что в его «основу положена идея исторического монизма, восходящая к учению Маркса, Энгельса, Ленина. При всем внимании к специфике художественного творчества как одной из форм идеологической надстройки идея эта предполагает единство социального и культурного развития. В этом отношении данный труд противостоит идеалистическим концепциям истории литературы, утверждаемым буржуазной наукой. Одна из наиболее знаменательных черт этой науки – потеря веры в существование объективных исторических закономерностей и вытекающая отсюда утрата интереса, а во многом и способности к созданию ширококомасштабных, синтетического характера историко-литературных трудов» (*Bunner Ю. Б.* Вступительные замечания // История всемирной литературы : в 9 т. Москва, 1983. Т. 1. С. 5).

По первоначальному замыслу последние, 9-й и 10-й, тома должны были охватить периоды с 1917 по 1945 и с 1945 по 1960-е гг., но очевидная несостоятельность методологической концепции не позволила осуществить задуманное. Официально, для печати, проект был заявлен как 9-томный, но по факту оказался 8-томным. О причинах отказа от публикации 9-го тома было сказано от лица главной редколлегии в 8-м томе. «Кардинальные перемены в общественном сознании сказались на восприятии литературы XX в. В последние годы происходит коренная переоценка

справочник по истории всемирной литературы. Этого не мало, но задумывалось-то иное.

Если так долго искать и ничего не получается, то, может, никаких «объективных законов» и обусловленных ими универсалий не существует в природе? Может быть, и не стоит заниматься их поиском? Не знаю, приходят ли такие мысли в голову исследователей, размышляющих над означенной проблемой, над удачами и неудачами в данной области изучения текста. Вполне возможно, что приходят.

Чего сегодня по-прежнему не может преподаватель литературы ни в школе, ни в вузе? *Научить точному анализу текста.*

Чего не может в этих условиях учащийся? *Избавиться от субъективной интерпретации произведения.*

Что такое субъективизм? С научной точки зрения, *субъективизм* при трактовке предмета исследования (какое бы обоснование ему ни находили) – *это ошибочное, ненужное (псевдо)знание, спам, мусор.*

Какие претензии предъявляют литературоведам и литературоведению представители точных наук? Прежде всего, они говорят о том, что эта дисциплина не имеет научного, т. е. точного метода, – дающего такие результаты, которые могут быть верифицированы.

Понятно, что цена вопроса велика: быть или не быть литературоведению наукой, что означает иметь или не иметь точные методы анализа текста и добытые при его помощи перепроверяемые знания. Чтобы при чтении данной работы у читателя не сложилось ложное мнение, важно подчеркнуть, что речь идет именно о поиске подходов в области описания универсальных структур, системного анализа «большого текста». Многократно провозглашенная в период отказа от марксизма задача «перечитывания классики» всерьез разрешима при активных разысканиях в сфере методологии. Само по себе перечитывание, даже «освобожденное от догм», ничего особенного не дает. Если предмет остается неизменным, то путь к постижению его скрытых измерений, к *новому* знанию о нем лежит исключительно через *новые* подходы. (На практике они всегда оказываются относительно

многих ее явлений. Но этот процесс еще далек от завершения. А для «Истории всемирной литературы» нужны итоговые обобщения, к которым наша научная мысль пока не готова. Для переосмысления этих сложных явлений в настоящее время ведутся дискуссии, обсуждаются альтернативные оценки и подходы. Время должно помочь правильно расставить акценты и определить подлинные художественные ценности.

Именно эти соображения побуждают главную редколлегия завершить издание «Истории всемирной литературы» восьмым томом. Выражаем уверенность, что научный коллектив ИМЛИ им. А. М. Горького РАН в тесном сотрудничестве с другими исследователями и научными коллективами развернет в ближайшее время широкое изучение проблем мировой литературы двадцатого столетия» (*От главной редколлегии // История всемирной литературы : в 8 т. Москва, 1994. Т. 8. С. 5.*)

Замечу, что в статье Ю. Б. Виппера *единство* лишь провозглашено, но в чем оно *конкретно* заключается, совершенно не ясно. В статье от главной редколлегии вопрос фактически уведен в сторону таким образом, как будто «итоговые обобщения» оказались состоятельными в предыдущих 7 томах.

РАССКАЗ В. М. ШУКШИНА «СТРАДАНИЯ МОЛОДОГО ВАГАНОВА»

новыми, т. е. преемственными к уже имеющимся наработкам). Об этом убедительно свидетельствует история науки.

Теперь давайте представим себе, что все названные проблемы решены, что стратегия поиска метода в области познания литературных универсалий увенчалась успехом, что литературоведение наконец обрело точный метод / превратилось в точную науку. Это значит, что, анализируя текст, мы можем получать объективную, многократно подтверждаемую информацию. Представим себе, что овладев алгоритмами точного, формально-логического, исследования, аналитики (а это не только профессионалы – все начинается со школьников, осваивающих научные подходы к различным предметам!) не будут всякий раз создавать разногласия, расходиться в толкованиях произведений, а наоборот, будут едины и более всего озабочены не спорами, а задачей *максимально исчерпать точные смыслы текста*. Под такими я понимаю смыслы, строго соответствующие семантике слова, текста и контекста и в то же время реализуемые в границах постоянно воспроизводящихся в историко-литературном процессе архетипических текстуальных структур (о них речь пойдет далее).

Много лет именно означенный круг вопросов мне приходится обсуждать со студентами, нередко с учителями и учениками². Суть в том, что все замыкается на единую проблематику. Одна ее сторона непосредственно касается разъяснения сущности метода, теоретико-методологических обоснований анализа, вторая – демонстрации применения метода к конкретным текстам, обучения, усвоения компетенций на примерах. Синтез пошаговой исследовательской технологии и повторяющейся однотипной практики ее использования, т. е. верификация, как раз и убеждает в зримом решении суммы означенных вопросов. Естественно, что всякий раз, когда представляешь анализ какого-либо произведения (а их необозримо много!) новой аудитории, встает необходимость предварительного объяснения основ метода. Приходится повторяться, а это крайне неудобно. Но увы... Невозможно обойтись без повторения – элементарного методологического введения в проблематику – и сейчас.

Опять же представим себе, что вся предварительная работа проделана и мы имеем в руках некие универсалии / структурно-типологические модели, объединяющие «русский текст» – в масштабах от времени его возникновения до времени настоящего. Повторяю, поскольку так оно и есть, то *к некоторым* из таких моделей – *необходимым для нашего анализа* – мы и обратимся. Модели эти являются составляющими метода / аналитического комплекса, построены же они на основе изучения *библейской и древнерусской сюжетики* «злых» и «добрых жен». Отмечу, что в древнерусском языке «жена» – 1) «женщина», 2) «супруга».

² Сама по себе возможность точного (повторяю, опирающегося на семантику слова, являющегося устойчивым элементом воспроизводящейся структуры текста) понимания, конечно же, не устраняет ситуаций необучаемости (что применительно к любой дисциплине), элементарного невосприятия смысла, неадекватных толкований, заключений и пр. Определенный процент читателей, в том числе профессиональных (!), по разным причинам относится не только к помощникам писателя, но и к его противникам. Что-то кардинально здесь изменить не представляется ни нужным, ни возможным. Положение в значительной степени гармонизируется тем обстоятельством, что *большинство* читателей способно осуществить усилия, ведущие к построению адекватной коммуникации с текстом.

Тема «злых» и «добрых жен» пронизывает устные и письменные тексты, она не ограничена русской литературой или литературой стран христианского ареала (хотя в нашем случае *христианская природа образа – основополагающий критерий выделения*). Она универсальна, ее вариации обнаруживаются в текстах мировых культур³.

Несомненно, к источникам, используемым для реконструкции моделей, следует отнести и произведения новой литературы. Библейская тема «добрых» и «злых жен», пришедшая в русскую письменность на этапе ее становления из византийской словесности, *наилучшим образом* реализовалась в классических произведениях XIX–XX вв. В частности, в романах «Война и мир»⁴ и «Анна Каренина» Л. Н. Толстого, в романе И. С. Тургенева «Дым»⁵, в произведениях В. М. Шукшина. Однако сформулированное положение, в сущности, является выводом. А к выводам надо прийти. Поэтому не только для чистоты эксперимента, но и с позиции историзма «мотивные составляющие» образов «доброй» и «злой жены» будут выстроены на основе текстов Священного Писания и древнерусских произведений, переводных и оригинальных.

Еще несколько слов *о комплексном аналитическом подходе*. Его природа раскрывается через набор определений: *системный, структурно-типологический, структурно-архетипический, мотивный, историко-функциональный* и др.

Таким образом, типология как теория и метод (включающая положения о структурной природе текста, в том числе – о мотивах или «сюжетно-мотивных комплексах»), теория сложных систем, архетипика / теория «коллективного бессознательного» К. Г. Юнга являются составляющими характеризованного комплекса⁶. В него также входят конкретные структурные модели, одна из них описана далее.

³ Об этом, в частности, см.: *Титова Л. В.* Беседа отца с сыном о женской злобе. Новосибирск, 1987. С. 4–5.

⁴ См.: *Васильев В. К.* К описанию архетипического сюжета о «добрых» и «злых женах» в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» // Лев Толстой и время. Томск, 2010. С. 25–34.

⁵ См.: *Васильев В. К.* Сюжетная типология русской литературы XI–XX веков. Архетипы русской культуры. От Средневековья к Новому времени. Красноярск, 2009. С. 189–208.

⁶ Описываемая аналитическая технология является идеальным примером реализации *принципа дополненности* (впервые постулированного Н. Бором), проявляющегося при исследовании сложных систем.

Согласно данному принципу непременно должны учитываться и положительные результаты, полученные при помощи других, не названных здесь, методов анализа.

Стоит сказать еще и о *принципе аутсайдерства*, неизбежного в науке. Он касается и студента, только начинающего осваивать научную тему, и академика, посвятившего ее изучению всю свою жизнь. При любой степени компетентности невозможно быть в курсе многих разработок, которые ведутся коллегами в самых различных учреждениях, невозможно прочитать все работы (на родном и иностранных языках) даже по достаточно узкой тематике. Невозможно знать все. Ситуация аутсайдерства в том или ином научном вопросе запрограммирована. Любая исследовательская работа может быть откорректирована и дополнена. Часто (особенно в гуманитаристике) речь идет не столько о корректировке, сколько об устаревших, не выдержавших проверку временем изысканиях. Увы, это реальность. Даже если перед нами некая *точная научная система* (например, периодическая система элементов Менделеева), то и она нуждается

РАССКАЗ В. М. ШУКШИНА «СТРАДАНИЯ МОЛОДОГО ВАГАНОВА»

Что касается «мотивного анализа», то он предстает не как «разновидность постструктуралистского <...> подхода к художественному тексту», «введенного в научный обиход»⁷ Б. М. Гаспаровым (в противовес структуральным идеям Ю. М. Лотмана) и используемого для описания мотивов и лейтмотивов вне «заданного “алфавита”»⁸. В нашем случае это анализ, работающий в границах «архетипической матрицы» = «системы элементов». Ее манифестацией как раз и является определенный «сюжетно-мотивный комплекс» или же «комплекс языковых единиц». Далее будет совершенно очевидно, что семантическое поле этого комплекса направляет и ограничивает ассоциации истолкователя. Мотивный анализ такого типа я бы отнес к сфере (гуманитарного) общенаучного. Он наиболее близок к «методу Проппа», основанному на описании сюжетной матрицы волшебной сказки⁹.

Что означает решить задачу выявления «мотивных составляющих» образов «доброй» и «злой жены» в системном / структурно-типологическом аспекте? Сама постановка вопроса отчасти содержит ответ. Внимание к мотивам как к *семантически сверхнагруженным элементам текста, носителям ключевых смыслов* связано именно с задачей анализа целостной структуры – образа, сюжета, произведения в целом. Предмет, который позволяет выявить «мотивные составляющие», – это тексты *типологического ряда*, содержащие *образы* «добрых» и «злых жен». То же самое следует сказать и о *сюжетах* о «добрых» и «злых женах». (Если мы произнесли термин «сюжет», это значит, что мы можем автоматически апеллировать к понятиям «герой», «персонаж», «образ», «система образов»).

Специфика в нашем случае заключается в особой природе «мотивов». В сущности, это «психологемы»¹⁰ – архетипические / психоаналитические мотивы. Именно они позволяют постичь глубинную сущность образа-характера героя произведения, осуществить его психоанализ.

(в не изменяющих ее сущности) корректировках, дополнениях и приращениях. Потому и стоит говорить о значимости принципа дополнительности, работающего на основе множественности подходов.

Суть же научной деятельности заключается в прорывах, в освоении неосвоенного, а не в пробелах и недочетах по тем или иным вопросам.

⁷ Руднев В. П. Словарь культуры XX века. Москва, 1999. С. 180.

⁸ Гаспаров Б. М. Из наблюдений над мотивной структурой романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Литературные лейтмотивы. Очерки русской литературы XX века / Б. М. Гаспаров. Москва, 1993. С. 31. Работа, посвященная роману М. А. Булгакова, впервые была напечатана в 1978 г.

⁹ См.: Пропп В. Я. Морфология сказки. Москва, 1969.

¹⁰ Термин введен в науку К. Г. Юнгом. Он понимал под ним «чрезвычайно древнюю архетипическую психологическую структуру» (см.: Юнг К. Г. Душа и миф: шесть архетипов. Киев ; Москва, 1996. С. 343), «выражение вечной и архетипической психологической темы» (Юнг К. Г. О современных мифах. Москва, 1994. С. 119 ; Юнг К. Г. Душа и миф... С. 33). На мой взгляд, тема или образ (Трикстера, духа Меркурия и др.) – это слишком широко. При таком понимании термин предстает как излишне абстрактный, к тому же он близок к термину «архетип», покрывается им. Мое определение «психологемы» в принципе не расходится с юнговским, но детализирует его. Если говорить о развитии идей ученого, то подобная детализация представляется мне неизбежной. Думаю, что эвристический потенциал, заключенный в этом находящемся на периферии психоаналитических разработок термине, способен актуализировать его.

Психологемы / мотивные составляющие образов «доброй» и «злой жены» (а также выражающие их образы-символы) в архаичных текстах представляют собой набор *антиномий, бинарных оппозиций* (что соответствует природе сюжета-архетипа, к которому они восходят)¹¹. «И яко железо в мире сем надвое сотворено: овогда им делают, иногда же им погубляют, тако и жены мужем своим на добро и на зло»¹², – писал один из книжников XVIII в.

Добрая жена: богобоязненная¹³, боголюбивая; молитвенница, постница; добродетельная, нищелюбивая (служащая ближним и миру), благонравная (добронравная); благовоспитанная, любезная, благодарная; стыдливая; крепкая (не поддающаяся соблазну / искушению и чужой воле), воздержанная; милосердная; безукоризненная, хорошая; целомудренная, верная, чистая; кроткая (смирная, покорная, тихая, послушная, беспрекословная); правдивая, честная; трудолюбивая, рукодельница, прилежная; бережливая; мудрая (умная); щедрая, бескорыстная; молчаливая; плодovitая, чадолюбивая; устроительница (помощница, подручница); спасительница, целительница и т. п.

Злая жена: обавница, баба богомерзкая¹⁴ (идоломолица, еретица¹⁵, чародеица, колдунья / ведьма, нечестивая, бесноватая, прокудливая¹⁶),

¹¹ В частности, об этом см.: *Васильев В. К.* Сюжетная типология русской литературы XI–XX веков. Архетипы русской культуры. От Средневековья к Новому времени. Красноярск, 2009. С. 29–36. Также см. видеолекции: *Васильев В. К.* Архетипический анализ литературного текста, или К проблеме описания матрицы русской культуры. URL: <http://tube.sfu-kras.ru/video/2094> (дата обращения: 17.02.17).

¹² *Титова Л. В.* Беседа отца с сыном... С. 409.

¹³ «...жена, боящаяся Господа, достойна хвалы» [Притч. 31. 30]. А «начало мудрости – страх Господень» [Притч. 9, 10].

¹⁴ «В древнерусской культуре существовал оппозиционный идеалу женской святости образ “баб богомерзких” – колдуний, ведьм и знахарок как хранительниц языческих верований и обрядов. Сфера их деятельности охватывала преимущественно поле “женских интересов” – дом, любовь и здоровье. В литературных памятниках они выступают в качестве “потворщиц греха”» (*Бармина В. Э.* Феномен женственности в культуре Средневековья (на материале артефактов письменной культуры Византии и Древней Руси VI–XVII вв.) : автореф. дис. ... канд. культурологии. Екатеринбург, 2009. С. 20). К числу «баб богомерзких» относились и лесбиянки. См.: *Чумакова Т. В.* «В человеческом жителстве мнози образы зрятся». Образ человека в культуре Древней Руси. Санкт-Петербург, 2001. С. 145.

¹⁵ Еретица – в том числе язычница. Показателен пример с переосмыслением в христианской культуре представлений о языческом божестве – Мокоши. «Мокошь продолжает жить как одноименная нечистая сила (ср. диалектное *мокошь* в значении “нечисть”; интересно, что в современных диалектах соответствующее слово имеет значение “непотребная женщина”, ср. в городском жаргоне XVIII–XIX вв. *венера* в том же значении)» (*Лотман Ю. М., Успенский Б. А.* Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // *Избранные труды* : в 2 т. / Б. А. Успенский. Москва, 1994. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. С. 224. Ср.: *Иванов В. В., Топоров В. Н.* К реконструкции Мокоши как женского персонажа в славянской версии основного мифа // *Балто-славянские исследования*. 1982. Москва, 1983. С. 184–185).

¹⁶ Прокуда – «вред, зло, грех», «колдовство». «Прокудивый – «необузданный». «Прокудिति, прокужу – повредить, нарушить <...> оскорбить <...> уничтожить, истребить <...> опустошить». «Прокудливый – злой, склонный к ссоре». «Прокудник – распутник». «Прокужати, прокужаю – <...> исказить». «Прокуждати, проку-

РАССКАЗ В. М. ШУКШИНА «СТРАДАНИЯ МОЛОДОГО ВАГАНОВА»

плясавица ¹⁷, у пьянчивая ¹⁸; законопреступная, злонравная; злопамятная; плохая (худая, негодная, скверная); наглая, бесстыдная, позорная, грязная,

ждаю – вредить, портить <...> осквернять, оскорблять <...> заражать». «Прокуж-даться – величаться, заноситься» (*Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 2. Л-П. Санкт-Петербург, 1902. Стб. 1538–1539).

¹⁷ «Плясуныя женщина – сатанина невеста, супруга дьяволу» (*Поучения к простой чади* // Библиотека литературы Древней Руси. Санкт-Петербург, 1997. Т. 4. С. 289).

Приведу пример не из средневековой, а из новой литературы – из романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». Замечателен пассаж, характеризующий домостроевские отношения мужа и жены, в частности, восприятие слугой Григорием «театральных» танцев супруги. «Эта Марфа Игнатьевна была женщина не только не глупая, но, может быть, и умнее своего супруга, <...> а, между тем, она ему подчинялась безропотно и безответно <...> и бесспорно уважала его за духовный верх. <...> Марфа Игнатьевна раз навсегда давно уже поняла, что в советах ее он совсем не нуждается. Она чувствовала, что муж ценит ее молчание и признает за это в ней ум. <...> раз в деревне, деревенские девки и бабы, тогда еще крепостные, собраны были на барский двор попеть и поплясать. Начали “Во лузях”, и вдруг Марфа Игнатьевна, тогда еще женщина молодая, выскочила вперед пред хором и прошлась “русскую” особенным манером, не по-деревенскому, как бабы, а как танцевала она, когда была дворовою девушкой у богатых Миусовых на домашнем помещицьем их театре, где обучал актеров танцевать выписанный из Москвы танцмейстер. Григорий видел, как прошлась его жена, и дома у себя в избе, через час, поучил ее, потаскав маленько за волосы. Но тем и кончились раз навсегда побои и не повторялись более ни разу во всю жизнь, да и Марфа Игнатьевна закалялась с тех пор танцевать» (*Достоевский Ф. М.* Братья Карамазовы // Собрание сочинений : в 15 т. Ленинград, 1991. Т. 15. С. 107–108).

¹⁸ «Большая досада – жена, преданная пьянству, и она не скроет своего срама» [Сир. 26, 10].

Стереотипное, отрицательное, отношение к пьющей женщине, в частности, прекрасно обыграно в повести И. С. Тургенева «Муму» (1852). Замечательно, что ситуация носит игровой характер: дворовые думали над тем, как отвадить Герасима от прачки Татьяны, которая ему, несомненно, нравилась. Барыня же решила выдать Татьяну за башмачника Капитона. «Думали, думали и выдумали наконец. Неоднократно было замечено, что Герасим терпеть не мог пьяниц... Сидя за воротами, он всякий раз, бывало, с негодованием отворачивался, когда мимо его неверными шагами и с козырьком фуражки на ухе проходил какой-нибудь нагруженный человек. Решили научить Татьяну, чтобы она притворилась хмельной и прошла бы, пошатываясь и покачиваясь, мимо Герасима. Бедная девка долго не соглашалась, но ее уговорили; притом она сама видела, что иначе она не отделается от своего обожателя. Она пошла. <...> Герасим сидел на тумбочке у ворот и тыкал лопатой в землю... Из-за всех углов, из-под штор за окнами глядели на него...

Хитрость удалась как нельзя лучше. Увидев Татьяну, он сперва, по обыкновению, с ласковым мычаньем закивал головой; потом взгляделся, уронил лопату, вскочил, подошел к ней, придвинул свое лицо к самому ее лицу... Она от страха еще более зашаталась и закрыла глаза... Он схватил ее за руку, помчал через весь двор и, войдя с нею в комнату, где заседал совет, толкнул ее прямо к Капитону. Татьяна так и обмерла... Герасим постоял, поглядел на нее, махнул рукой, усмехнулся и пошел, тяжело ступая, в свою каморку... Целые сутки не выходил он оттуда. Форейтор Антипка сказывал потом, что он сквозь щелку видел, как Герасим, сидя на кровати, приложив к щеке руку, тихо, мерно и только изредка мыча – пел, то есть покачивался, закрывал глаза и встряхивал головой, как ямщики или бурлаки, когда они затягивают свои заунывные песни. Антипке стало жутко, и он отошел от щели.

срамная («сточная труба»¹⁹); блудная (прелестница, бесстыдная, похотливая, растленная и растлительница, любодеица, сука²⁰, блядь / блядливая); заблудшая; гордая, властолюбивая, самовластная (непокорная, непослушная, упрямая, необузданная); лживая²¹ (ненавидящая правду, лицемерная, притворная, лукавая, льстивая, коварная, хитрая, пронырливая); ленивая (нерадивая); разорительница (растратчица); щеголиха²²; глупая (безрассуд-

Когда же на другой день Герасим вышел из каморки, в нем особенной перемены нельзя было заметить. Он только стал как будто поугрюмее, а на Татьяну и на Капитона не обращал ни малейшего внимания. В тот же вечер они оба с гусями под мышкой отправились к барыне и через неделю женились. В самый день свадьбы Герасим не изменил своего поведения ни в чем; только с реки он приехал без воды: он как-то на дороге разбил бочку; а на ночь в конюшне он так усердно чистил и тер свою лошадь, что та шаталась, как былинка на ветру, и переваливалась с ноги на ногу под его железными кулаками» (*Тургенев И. С. Муму // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Москва, 1980. Т. 4. С. 256–257*).

¹⁹ Притчи 19, 13.

²⁰ «Льстива сука» (*Семенов В. Древняя русская «Пчела» по пергаменному списку // СОРЯС. Санкт-Петербург, 1893. Т. 54, № 1. С. 424*); «Ласкающая сука», «бесная сука» (*Щеглова С. А. «Пчела» по рукописям киевских библиотек: Опыт изучения и тексты. Санкт-Петербург, 1910. Тексты. С. 58*); «Бешена сука» (*Бобров А. Г. «Мирские притчи» в древнерусской рукописи XV в. // Труды Отдела древнерусской литературы. Санкт-Петербург, 1993. Т. 46. С. 299*).

²¹ Понятие «ложь» в данном контексте имеет предельно широкий смысл: он основан на общей идее причастности женщины через грех праматери Евы к пространству антимира (зла). Обращусь к уже цитированному роману Ф. М. Достоевского. Слуга Федора Павловича Карамазова Григорий про свою жену Марфу как-то решил «раз навсегда, что баба врет, “потому что всякая баба бесчестна”» (*Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы // Собрание сочинений : в 15 т. Ленинград, 1991. Т. 15. С. 105*). Существенно, что вера Григория является по большей части выражением представлений из сферы «народного христианства».

²² Щегольство – показное увлечение чрезмерно дорогими, роскошными нарядами, украшениями, предметами бытового обихода, а затем и иноземной модой достаточно рано становится темой русской литературы.

Тема является и женской, и мужской. *Щеголь* и щеголиха в литературе XVIII в. и последующей – герои сатирических, обличительных сочинений. Имеется множество определений описываемого типа: «галант», «вертопрах», «щап», «петиметр», «франт», «фертик» / «ферт», «шематон», «денди» и пр., вплоть до «пижона» и «стиляги». См.: *Иванов С. Л. История щегольской лексики в русском языке XVIII–XX вв. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2003. Эти слова и образы, стоящие за ними, имеют в русском языке сниженное значение (Ср.: отношение к явлению современной культуры, означаемому словом *гламур*).*

Порицалось не только щегольство, но и использование украшений и косметики. «Права и не клеветива жена, иже вапом не мажется, ни красится паче меры» (*Семенов В. Древняя русская «Пчела»... С. 422*).

Ср. осуждение женщин современным автором-старообрядцем (из «“Письма христоролюбивым”, написанного, вероятно, в декабре 1982 г. К. К. Борисовым, наставником часовенной общины пос. Архара (Амурская обл.), в качестве послания к празднику Зачатия Богородицы») за то, что они «мажуще деколоно и обеляюще лецо пудрами, уловляющи мужей на прелободееяние» (*Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д. Староверы-часовенные на востоке России в XVIII–XX вв.: Проблемы творчества и общественного сознания. Москва, 2002. С. 442; или: Зольникова Н. Д. «Пустыня в миру»: аскетизм в быту староверов-часовенных в XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2000. № 2. С. 19*).

РАССКАЗ В. М. ШУКШИНА «СТРАДАНИЯ МОЛОДОГО ВАГАНОВА»

ная, малоумная, злоумная); жадная, завистливая, крадливая; шумливая, сердитая, сварливая, гневливая; укоряющая, осуждающая, злословящая, злоязычная, проклинаящая, клеветница, брехливая; драчливая, яростная, лихая, буйная, бешеная, лютая, свирепая; ревнивая; ненавидящая мужа, ехидна (ненавидящая детей своих, рождающая отцеубийц и матереубийц)²³; разрушительница (семьи, дома, рода); погубительница; змея / змееподобная (василиска²⁴,

²³ О ехидне читатель средневековья мог вынести представление, в частности, из учительных сборников, носящих название «Физиолог». (См. о произведениях под данным названием: *Ванеева Е. И.* Предисловие // Физиолог. Санкт-Петербург, 1996. С. 5–9).

«Ехидна от пояса и выше имеет человеческий образ. А от пояса и ниже – образ крокодила. Идут же и самец и самка на соитие. И когда распалится самка и хочет сойтись с самцом, она идет к самцу, съедает лоно его. И зачинает, и тотчас умрет самец. А когда приблизятся роды у самки, съедают чрево ее детеныши. И она умирает. И потом выходят отцеубийцы и матереубийцы, как и иудеи отцеубийцы и матереубийцы.» (Физиолог // Библиотека литературы Древней Руси. Санкт-Петербург, 1997. Т. 5. С. 411). Ср.: «ЭХИДНА, Ехидна (Ἐχιδνα), в греческой мифологии чудовище, полу-дева-полузмея, дочь Форкия и Кето, внучка земли Геи и моря Понта <...>. Эхидна прекрасна ликом, но ужасна в своей змеиной сущности <...>. Эхидна – родоначальница чудовищ, рожденных ею от Тифона и Гериона; это – собака Орфа, Кербер, лернейская гидра, химера, Сфинкс. От своего сына Орфа Эхидна родила немейского льва» (*Тахо-Годи А. А.* Эхидна // Мифы народов мира : в 2 т. Т. 2. К-Я. Москва, 1992. С. 675).

В списках «Беседы отца с сыном о женской злобе», опубликованных Л. В. Титовой, яркое уподобление «злой жены» ехидне дано в «Барсовском виде» Основной редакции «...какова же суть ехидной же: своих детей ненавидит, аще когда хочет родити и она тщится их извести, и они прогрызают у нея утробу и она сама от того умирает. Сей же ихидне уподобься злая жена, а иные и девицы, которые сами б... бывают, те же злые жены имеют во утробе своей прижитое блудом детище, и аще время приидет родити ей и она всячески покушается во чреве своем убить его, чрево свое начнет жестоко гнести, и утеснять, и размышляет в себе: “Когда детище из чрева моего изыдет, и в то время задушю или ногою задавлю его, или куды в ров повергну его, та печаль свою избуду и девическия срамоты от людей не прииму, и по прежнему девицею буду жить”. Таковы бо женски злы нравы: девицею именуется, а нравом самая истинная блудница и настоящая б..., а когда возхочит посягнуть замуж, и она ходит лицом красна, взором весела, а нравом буия, и свирепа, и ни в чем несчастлива, а желаемое не получит» (*Титова Л. В.* Беседа отца с сыном о женской злобе. Новосибирск, 1987. С. 322–323; Ср.: С. 206, 243–244, 259, 284–285, 303–304, 341, 379).

Ехидна, в частности, – «обозначение прелюбодеяния» (*Белова О. В.* Славянский бестиарий. Москва, 2001. С. 111).

²⁴ Василиск – «(лат. basiliscus, regulus, от греч. βασιλεύς “царь”) мифический чудовищный змей. По описанию Плиния Старшего <...>, василиск наделялся сверхъестественной способностью убивать не только ядом, но и взглядом, дыханием, от которого сохла трава и растрескивались скалы. Можно было спастись от василиска, показав ему зеркало: змей погибал от собственного отражения; смертельным для василиска считался также взгляд или крик петуха. Имел гребень в виде диадемы, откуда его название – “царь змей”. В средние века верили, что василиск выходил из яйца, снесенного петухом и высиженного жабой (поэтому на средневековых изображениях он имеет голову петуха, туловище жабы и хвост змеи)» (*Юсим М. А.* Василиск // Мифы народов мира: В 2 т. Москва, 1991. Т. 1. С. 218).

Василиск – «обозначение жестокости, беспощадности» (*Белова О. В.* Славянский бестиарий. Москва, 2001. С. 67). См. также о василиске как о звероантропоморфном существе, имеющем девичье лицо и «от пупа» тело крылатого змея: Там же. С. 68.

скорпия ²⁵, жаба ²⁶, черепаха ²⁷, аспиды ²⁸), коза ²⁹, львица, медведица, зверь; и т. п.

²⁵ В частности, о злой жене: «берущий ее – то же, что хватающий скорпиона» [Сир. 26, 9].

²⁶ Жаба – образ-символ «из обширной и во многом универсальной мифологии» (Судник Т. М., Цивьян Т. В. О мифологии лягушки (балто-балканские данные) // Балто-славянские исследования – 1981. Москва, 1982. С. 137); в том числе – «еретик», «унылый человек», «ропшущий», «лютейший» из рода человеческого, погруженный «в тину и нечистоту грехов своих» (Белова О. В. Славянский бестиарий. Москва, 2001. С. 115). «Лягушка и жаба – нечистые животные, родственные з м е е и другим г а д а м» (разбивка дана в оригинале. – В. В.) (Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. Москва, 1997. С. 380). В народной мифологии жаба связана с актом творения дьяволом зла и болезней, с колдовством, соответственно, с образами колдуна и ведьмы, а также домового и Бабы-Яги; жабой называли злую женщину. См.: *Народная демонология* Полесья. Публикации текстов в записях 80–90-х гг. XX века. Т. 1: Люди со сверхъестественными свойствами. Москва, 2010. С. 123 и др.

В утопическом Индийском царстве люди счастливы еще и потому, что в нем нет «ни вора, ни разбойника, ни завистливого человека, <...> ни ужа, ни жабы, ни змеи, а если и появляются, сразу умирают» (*Сказание об Индийском царстве* // Библиотека литературы Древней Руси. Санкт-Петербург, 1997. Т. 5. С. 397).

²⁷ «Слыши, сыне мой, про змию и скорпию, ибо в ползающих зло и злейши иных гадов. Змиин род изначала бо вельми зло сотвори человеку, и проклята от Господа, того ради пресмыкаяся по земли чревом своим. Того же рода скорпия, и жаба, и черепаха кругла, аще биеша или колеша, или стреляеша, ничто же ея не имет, но точию рзжещи клещи и имати ю и во огни сожещи» (Титова Л. В. Беседа отца с сыном о женской злобе. Новосибирск, 1987. С. 43–44, 81).

«В памятниках книжности и в народной традиции славян дошло представление о ядовитости черепахи». В Полесье зафиксированы легенды о летающей, как змей, и поедающей людей черепахе. В наказание «Бог <...> даў ей чэрепа и тепэрь она́ по земли пóлзает» (Белова О. В. Славянский бестиарий. С. 269); и т. п.

²⁸ Показательно сравнение (ветхозаветного) родоначальника греховного рода Дана с аспидом: «Дан будет змеем на дороге, аспидом на пути, уязвляющим ногу коня, так что всадник его упадет назад» [Быт. 49, 17]. Или представления об аспиде в других текстах Священного Писания: «...и гибельная отравя аспидов» [Втор. 32, 33]; «...из корня змеиного выйдет аспид, и плодом его будет летучий дракон» [Ис. 14, 29]; «С самого рождения отступили нечестивые; от утробы матери заблуждают, говоря ложь. Яд у них, как яд змеи, как глухого аспиды, который затыкает уши свои» [Пс. 57, 4–5].

Аспиды – «ядовитая змея» (*Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)*: в 10 т. Т. 1. Москва, 1988. С. 98). Здесь же примеры из древнерусских сборников: «яд же лукавств(а) сблюдаеша аки аспиды и ехидна <...> и акы аспиды затыкаемъ оуши свои. яко же не слышати. что ны есть на ползу дѣши <...> жены аки змие и злодеи и аспиды. соугуба бо есть злоба женская». Ср. о мужчине: «Аспид <...> злой человек, скряга, лукавый, кашей, скаред» (*Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка*: в 4 т. Т. 1: А–З. Москва, 1989. С. 27); «Злой, злобный человек (прост. бран.)» (*Ожегов С. И. Словарь русского языка*. Москва, 1984. С. 29).

²⁹ «Неистова коза» (Щеглова С. А. «Пчела» по рукописям киевских библиотек: Опыт изучения и тексты. Санкт-Петербург, 1910. Тексты. С. 58; *Бобров А. Г. «Мирские притчи» в древнерусской рукописи XV в.* // Труды Отдела древнерусской литературы. Санкт-Петербург, 1993. Т. 46. С. 299). «Коза неистовая» (Титова Л. В. Беседа отца с сыном о женской злобе. Новосибирск, 1987. С. 36, 41).

РАССКАЗ В. М. ШУКШИНА «СТРАДАНИЯ МОЛОДОГО ВАГАНОВА»

Перечислены не все психологемы. Можно продолжать, входить в детали, уточнять, разворачивать смыслы или по-иному выстроить сам перечень, а также дополнить его впечатляющим набором топосов, образов-символов, колоритных характеристик и деталей, которые использованы авторами разных столетий при разработке темы «добрых» и «злых жен». Если привлечь тексты новой литературы, то количество психологем весьма заметно возрастет – в основном за счет синонимов, новообразований, т. е. лексики, которой не было в обиходе средневековых авторов. Однако сколько бы ни приводить примеров и ни добавлять отсылок, вполне понятна не только логика построения архетипических образов, но и стоящая за ней их одномерная природа. Лермонтовское определение «в одном все чисто, а в другом все зло» тут как нельзя кстати. Эта природа будет сохраняться и в сочинениях нового времени. Архетип говорит на «ангельском и демонском языке», несмотря на то, какая эпоха на дворе.

Из приведенного перечня видно, что количественно характеристики «зла» преобладают над характеристиками «добра». Зло напористо, обладает агрессивной энергией. Травма, нанесенная им, излечивается с трудом, она глубока, след от нее остается навсегда. Создается впечатление, что зло всепроникающе, вездесуще. Добро же в столкновении со злом часто как бы неподвижно: кротко, смиренно, связано с идеей непротивления. В этом нельзя усматривать слабость добра. Наоборот, в этом его сила – в системе христианских взглядов доказательство того, что оно утверждено на вечных, святых, заповеданных Богом началах. *Зло же не побеждает еще и потому, что основным законом его существования является самоуничтожение.*

Зло сбивает, а то и буквально сносит жизнь с устоев, преобразует ее гибельным опытом. И если это преобразование происходит не на началах добра и правды, то неизбежен очередной крах, поскольку лишь отказ от прежнего зла, покаяние, стремление к добру и правде способны восстанавливать и утверждать жизнь на прочных основах, сохранять и преумножать ее.

Добро всегда деятельно. Оно деятельно в кротости и в смирении, движимо неодолимой жизнестроительной силой и само есть эта сила. (У нас, конечно же, нет каких-либо точных измерителей, которые бы показали, насколько в начальные века христианство влияло на перестройку внутреннего мира русского человека. Но о том, что нравственное влияние новой религии было очень глубоким, свидетельствует, в частности, тот факт, что в «Словаре древнерусского языка (XI–XIV вв.)» размещено 195 статей с корнем *добр-* и только 3 из них являются отсылочными³⁰.

Тема «доброй жены» пронизана мотивами счастья, радости, беспечалия, уверенности в будущем и т. п. («Весело смотрит она на будущее»

Коза – «обозначение строптивного человека». «Коза бо блудлива есть, сице и человек, аще щепеток и стропотлив, несть таковый человек, но коза» (*Дурново Н. Н.* К истории сказаний о животных в старинной русской литературе // *Древности. Труды Славянской комиссии Московского Императорского археологического общества.* Москва, 1902. Т. 3. С. 67).

³⁰ См.: *Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)*: в 10 т. Т. 2. Москва, 1989. С. 479–485; То же. Т. 3. Москва, 1990. С. 6–25.

[Притч. 31, 25]; «Жена добродетельная радует своего мужа и лета его исполнит миром; <...> с нею у богатого и бедного – сердце довольное и лице во всякое время веселое» [Сир. 26, 2–4]; «Уверенно в ней сердце мужа ее <...> Она воздаст ему добром, а не злом, во все дни жизни своей» [Притч. 31, 11–12]). Тема «злой» – скуки, печали, уныния, горечи, предчувствием и ожиданием беды, горя, несчастья в судьбе («Сердце унылое и лице печальное и рана сердечная – злая жена» [Сир. 25, 25]; «Сядет муж ее среди друзей своих и, услышав о ней, горько вздохнет» [Сир. 25, 19–20]; «Но последствия от нее горьки, как полынь, остры, как меч обоюдоострый» [Притч. 5, 4]; «Опущенные руки и расслабленные колени – жена, которая не сделает счастливым своего мужа» [Сир. 25, 26]).

Красивой внешне может быть любая женщина – и «добрая», и «злая».

Если «злая жена» красива³¹, то красота ее всегда телесна, связана с мотивами соблазна, искушения, очарования, обольщения / прельщения, совращения, растления, блуда. Эти мотивы выражают семантику миражности, колдовства, лжи, обмана, ошибки, тлена, события, смысл которого заключается в заблуждении, потере пути / обретении пути смерти. Таким образом, внешняя, телесная красота (без ее подтверждения внутренними качествами³²) в традиционных культурных текстах отнесена к сфере «нечи-

³¹ Даниил Заточник, «мизантроп XII–XIII века» (по выражению Б. А. Романова) сгустил ситуацию: описал «сценарий» собственной женитьбы на «злой жене» – не только злой нравом, но еще и «злообразной». Даже при условии того, что предполагаемая жена – дочь богатого тестя, такой выход из трудной жизненной ситуации оказался для него неприемлем. «Дивней дивного, если кто возьмет в жены уродину прибытка ради. Видел я жену безобразную, приникнувшую к зеркалу и мажущуюся румянами, и сказал ей: “Не смотришь в зеркало – увидишь безобразие лица своего, и еще больше обозлишься”» (Моление Даниила Заточника // Памятники литературы Древней Руси. XII век. Москва, 1980. С. 395, 397).

Б. А. Романов цитирует позднюю редакцию сочинения – «Моление» (он называет памятник «Посланием», делая это вслед за Н. Н. Зарубиным (см.: Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам / пригот. к печ. Н. Н. Зарубин. Ленинград, 1932), в которой представлен более драматизированный вариант: богатая «злообразная жена» в браке, заключенном по расчету, старше мужа. «Муж окажется в этой ситуации стороной не только подчиненной, но и накрепко прикрепленной к отвратительному существу <...> “Видех злато на жене злообразне и рекох ей: нужно есть [тяжко] злату сему”; <...> “Паки видех стару жену злообразну, кривозороку, подобну черту, ртасту, челюстасту, злоязычну, приничющи [уоставившуюся] в зеркало, и рекох ей: не позоруй в зеркало, но зри в коросту [гроб]; жене бо злообразне не достоин в зеркало приничати, да не в большую печаль впадет, ввозревше на нелепостьство [безобразие] лица своего”» (перевод в квадратных скобках дан в оригинале. – В. В.) (Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси. Историко-бытовые очерки XI–XIII вв. 2-е изд. Москва; Ленинград, 1966. С. 33).

³² «Приникни к зеркалу и взглядишь в лицо свое: если красивым окажешься, поступай по своей красоте и не посрами ее злыми делами; если же уродлив ты, то недостатки лица добрым делом укрась» (Пчела // Библиотека литературы Древней Руси. Санкт-Петербург, 1997. Т. 5. С. 437).

РАССКАЗ В. М. ШУКШИНА «СТРАДАНИЯ МОЛОДОГО ВАГАНОВА»

стого», дьявольского, демонического, отреченного, колдовского, преступного, болезненного, проклятого. («Если какой муж смотрит на красоту жены своей и на ее ласковые и льстивые слова, а дел ее не проверяет, то дай Бог ему лихорадкой болеть, и да будет он проклят»³³). Соответственно, человек «очарованный», «обольщенный» (не только телесной красотой, но и обольщенный вообще) в прямом смысле поражен ложным, колдовским, дьявольским наваждением, пребывает в сфере греховного, «нечистого», находится в состоянии духовной болезни, недуга.

Проблема, несомненно, еще и в том, что красавица всегда вызывает повышенный интерес у мужчин. «Жена красавица – слепому радость», – говорит пословица. «Отврати очи свои от красивой женщины и не любуйся чужой красотой, ибо в женской красоте погибли многие, и похоть от нее огнем распалается»³⁴.

В «Беседе отца с сыном о женской злобе» описывается участь мужа, женившегося на «прекрасной», – «то вси на нея хотят похотию злою, а мужю всегда без утехи печаль»³⁵. (Ср.: «Не засматривайся на красоту женскую и не похотствуй на жену» [Сир. 25, 23]). Сходная мысль выражена, в частности, в словах Феи (в романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?»), обращенных к сестре, Вере Павловне. Он говорит о Лопухове: «А я ему, сестрица, сказал, что вы у нас красавица, а он, сестрица, сказал: “ну, так что же?”, а я, сестрица, сказал: да ведь красавиц все любят, а он сказал: “все глупые любят”»³⁶.

В традиционных текстах красота «доброй жены» утверждена на основании деятельного добра³⁷, она – в ее добродетелях. «Красна девка не телом, а делом», – гласит народная мудрость³⁸. В христианской картине мира

³³ Моление Даниила Заточника // Памятники литературы Древней Руси. XII век. Москва, 1980. С. 397.

³⁴ Из Изборника 1076 года // Библиотека литературы Древней Руси. Санкт-Петербург, 1999. Т. 2. С. 459.

³⁵ Титова Л. В. Беседа отца с сыном о женской злобе. Новосибирск, 1987. С. 400; Ср.: С. 277, 394.

³⁶ Чернышевский Н. Г. Что делать? Из рассказов о новых людях. Ленинград, 1975. С. 47.

³⁷ Внешнюю красоту человек склонен отождествлять с внутренними достоинствами. Это (чаще всего ошибочное) отождествление красоты внешней и внутренней, которое бессознательно совершается в восприятии мужчины, вполне точно описал Л. Н. Толстой: «Удивительное дело, какая полная бывает иллюзия того, что красота есть добро. Красивая женщина говорит глупости, ты слушаешь и не видишь глупости, а видишь умное. Она говорит, делает гадости, и ты видишь что-то милое. Когда же она не говорит ни глупостей, ни гадостей, а красива, то сейчас уверяешься, что она чудо как умна и нравственна» (Толстой Л. Н. Крейцерова соната // Полное собрание сочинений : в 90 т. Москва, 1936. Т. 27. С. 21). Именно так воспринимают глупую красавицу Элен обитатели столичных салонов в романе «Война и мир».

³⁸ Ср.: другие пословицы о красоте: Красна ягода, да на вкус горька; С виду – малина, а раскусишь – мякина; Снаружи – красота, внутри – пустота; С собой красавица, да душа трухлява; Красивый – на грех, а дурной – на смех; Красота лица – в красоте характера; Не гонись за красотой, а гонись за добротой; Красота до вечера, а доброта навек; Красота до венца, а ум до конца; Красота лучше, а правда – нужнее; Простота, чистота, правота – наилучшая красота.

понятия «добро», «добродетель» неотрывно связаны с понятиями «святость», «вечность» и т. п., то есть с тем, что сверхличностно и не подвластно времени³⁹. Ср. о внешней красоте: «...яко дождевая вода в луже иссыхает, тако же и женская красота скоро переменяшася в гнилости погибает»⁴⁰. Красота же помыслов, дел и поступков с возрастом проявляется как знак и видение святости в облике доброй жены: «Что светильник, сияющий на святом свещнике, то красота лица ее в зрелом возрасте» [Сир. 26, 22]. Ср.: «Злость жены изменяет взгляд ее и делает лице ее мрачным, как у медведя» [Сир. 25, 19]. «Сердце унылое и лице печальное <...> – злая жена» [Сир. 25, 25].

В этой мудрой философии древнерусского книжника важно заметить не только то, что *существует лишь один тип подлинной красоты – красота духовная*⁴¹, но и то, что *обладающая ею «добрая жена» – одна из тысячи жен*⁴².

Если «злая жена» (как и «злой человек») воплощает предел зла, так и «добрая» – предел воплощаемых ею качеств. («*Можно перенести* всякую рану, только не рану сердечную, и всякую злость, только не злость женскую» [Сир. 25, 15]; «*Соглашусь лучше жить со львом и драконом, нежели жить со злою женою*» [Сир. 25, 18]; «*Всякая злость мала в сравнении со злостью жены*» [Сир. 21]. Смысл, выраженный в формуле «*злее зла – злая жена*»⁴³, как и сама формула, типичны для рассматриваемой сюжетики. «*Кроме женския злобы лютее не бывает*» (С. 323); «*злая жена в человецех <...> злейши суть*» (С. 378); «*злее лвицы бывает*» (С. 396); «*злее змия и василиска*» (С. 397); «*женская злоба корень есть всем злобам*» (С. 286); «*злонравная жена не может слышати добраго учения*» (С. 305) и пр. Ср. о доброй

³⁹ Есть немало истолкований понятия «добро» и связанных с ним. Одно из них принадлежит И. С. Тургеневу. Писатель сумел сказать так, как не всегда удается и духовным авторам. При этом нужно учесть, что по отношению к христианской вере он стоял на нигилистической позиции. «Слово [добро] удивительно; <...>. Да, одно это слово имеет еще значение перед лицом смерти. Все пройдет, все исчезнет, высочайший сан, власть, всеобъемлющий гений, все рассыплется прахом...

Все великое земное

Разлетается, как дым...

Но добрые дела не разлетятся дымом; они долговечнее самой сияющей красоты. «Все минется, – сказал апостол, – одна любовь останется»» (Тургенев И. С. Гамлет и Дон-Кихот // Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Москва, 1980. Т. 5. С. 348).

⁴⁰ Титова Л. В. Беседа отца с сыном о женской злобе. Новосибирск, 1987. С. 82; Ср.: 298, 318, 336, 374.

⁴¹ «Доброта – не только этическая, но и эстетическая категория. Добрый человек не может быть некрасивым, даже если он физически уродлив. Доброта искупает все изъяны, она выше красоты» (Громов Е. Поэтика доброты // О Шукшине. Экран и жизнь. Москва, 1979. С. 23 ; Громов Е. Восхождение к герою. Москва, 1982. С. 107). Не случайно такое понимание родилось у автора, пишущего о Шукшине. В нем выразилась природа шукшинского текста.

⁴² Один из переписчиков усомнился и в этом, он внес правку: «...едина от тысячи такова не обрящется» (Титова Л. В. Беседа отца с сыном о женской злобе. Новосибирск, 1987. С. 296) ; Там же. С. 253, 279, 316, 333, 352, 372.

⁴³ Титова Л. В. Беседа отца с сыном... С. 348. Далее ссылки на страницы в книге приведены в круглых скобках.

РАССКАЗ В. М. ШУКШИНА «СТРАДАНИЯ МОЛОДОГО ВАГАНОВА»

жене: «Нет цены благовоспитанной душе. <...> нет достойной меры для воздержной души» [Сир. 26, 17, 19]; «Не оставляй умной и доброй жены, ибо достоинство ее драгоценнее золота» [Сир. 7, 2]).

«Злая жена» – проклятие, кара Господня мужу (и всякому, соединившему с нею свою судьбу). Она воплощает судьбу-горе, недолгу, несчастье⁴⁴. Она разорительница и погубительница дома, семьи («Шумливая и необузданная; ноги ее не живут в доме ее...» [Притч. 7, 11]), пути ее лежат в бездну, за ней закреплены мотивы гибели, «злой смерти». «Женское прельщение – зло; вот как, покайся, сказал Соломон о женах: “Не внимай злой жене; ибо мед каплет с уст ее, жены любодейной; мгновение только наслаждает гортань твою, после же горчее желчи найдешь его... Сближающиеся с ней пойдут после смерти в ад. По пути жизни не идет она, распутная жизнь ее неблагоприятна”»⁴⁵. (Ср.: Притч. 5, 3–6. В пятом стихе здесь говорится: «Ноги ее нисходят к смерти, стопы ее достигают преисподней». Или: «Да не уклоняется сердце твое на пути ее, не блуждай по стезям ее. Потому что многих повергла она ранеными и много сильных убиты ею: Дом ее – пути в преисподнюю, нисходящие во внутренние жилища смерти» [Притч. 7, 25–27]). «Блажен тот, иже девством живет, да сиевые жены не обрящут»⁴⁶, – поучает мудрости отец сына.

«Добрая жена» – устроительница дома, она венец, благо, награда и спасение мужу от Господа. («Мудрая жена устроит дом свой, а глупая разрушит его своими руками» [Притч. 14, 1]; «Что солнце, восходящее на высотах Господних, то красота доброй жены в убранстве дома ее» [Сир. 26, 20–21]; «Добродетельная жена – венец для мужа своего; а позорная – как гниль в костях его» [Притч. 12, 4]; «Кто нашел добрую жену, тот нашел благо и получил благодать от Господа» [Притч. 18, 22]; «Добрая жена <...> дается в удел боящимся Господа» [Сир. 26, 3]; «Разумная жена – от Господа» [Притч. 19, 14]; «Кроткая жена – дар Господа» [Сир. 26, 17]).

С образом доброй жены также связаны мотивы возрождения и воскресения.

Из сказанного следует, что *необходимо говорить не только об образах, но и о сюжетах о «доброй» и «злой жене».*

Алгоритмом сюжетного действия, героиней которого является «злая жена», будет движение к гибельному финалу, «злой смерти». Данный топос раскрывается через мотивы «Божьего гнева» и «возмездия», «наказания» за несправедную жизнь, наследования «ада» / «преисподней» / «бездны» /

⁴⁴ «Можно констатировать, что до конца XIV в. само слово *счастье* (*сѣчастье*, в значении ‘удача’) в источниках не встречается. Более или менее широко слова *сѣчастье*, *сѣчастливый* начинают употребляться лишь с середины XVI в.» (Данилевский И. Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.). Москва, 2000. С. 314). Говоря о читателях сочинения Даниила Заточника, историк замечает: «что мы привыкли называть счастьем и несчастьем, а *они*, скорее всего, *участью и долей*» (курсивом и полужирным выделено в оригинале. – В. В.) (*Там же*. С. 320).

⁴⁵ Повесть временных лет // Памятники литературы Древней Руси. XI – начало XII века. Москва, 1978. С. 95.

⁴⁶ *Титова Л. В.* Беседа отца с сыном о женской злобе. Новосибирск, 1987. С. 11.

«пропасти», утраты жизни «земной» и «вечной». («Блудница – глубокая пропасть» [Притч. 23, 27]; «Глубокая пропасть – уста блудниц» [Притч. 22, 14] пр. См. также ранее приведенные примеры).

Любое конкретное жизнеописание «злой жены» – это вариация: относительно свободное чередование мотивов, раскрывающее то, как законы зла реализуются в жизни. Для сравнения напомним вывод В. Я. Проппа о связи функций в сюжете волшебной сказки: «Последовательность функций всегда одинакова»⁴⁷.

<...> далеко не все сказки дают все функции. Но это несколько не меняет закона последовательности. Отсутствие некоторых функций не меняет порядка остальных»⁴⁸ (разбивка дана в оригинале. – В. В.). Данный закон последовательности есть выражение системных, причинно-следственных связей между функциями. В нашей ситуации очевидна, прежде всего, системность, хотя присутствует и каузальность.

Сюжет о «доброй жене» несет в себе противоположную семантику. Но основные принципы его разворачивания те же: системность, причинно-следственная связь при относительной свободе группировки мотивов в тексте.

Классическое воплощение образа и сюжета о «доброй» – святой жене являются женские жития⁴⁹.

Всегда «злой женой» будет блудница⁵⁰, героиня, соблазняющая мужчину, в том числе «чужая», замужняя, изменяющая мужу⁵¹.

Рассматриваемые образы носят архетипический (изначальный, глубинный, психологический и, соответственно, психоаналитический) характер. Данные персонажи в откристаллизованном виде воплощают христианские

⁴⁷ В данном случае «мотив» и «функция» – элементы сюжетной структуры.

⁴⁸ Пропп В. Я. Морфология сказки. Москва, 1969. С. 25–26.

⁴⁹ «На Руси, почти не знавшей женской святости и любившей рассуждать о женской злобе, вдруг в эпоху Макария в “Степенной книге” и в житии Февронии женская святость является в апофеозе божественной силы и величия и заслоняет собой всякую другую. Это, конечно, обусловлено не каким-нибудь новым статусом женщины в русском обществе, а новой потребностью дать воплощение образу Премудрости <...> в женском образе супруги-домостроительницы» (Плюханова М. Б. Сюжеты и символы Московского царства. Санкт-Петербург, 1995. С. 225–226).

В русской литературе есть произведение, являющееся, на мой взгляд, ключевым для понимания типа женщины-устроительницы, подвижницы. Это «Житие Ульянии Лазаревской» (XVII в.). Без усвоения набора психологом, составляющих суть образа-характера Ульянии, не понять характеры героинь последующей русской литературы, как и тип-характер православной женщины. (Анализ «Жития Ульянии Лазаревской» см. в кн.: Васильев В. К. Сюжетная типология русской литературы XI–XX веков. Архетипы русской культуры. От Средневековья к Новому времени. Красноярск, 2009. С. 180–186).

⁵⁰ «Девица ведь губит красоту свою прелюбодейством, а муж свое мужество – воровством» (Моление Даниила Заточника // Памятники литературы Древней Руси. XII век. Москва, 1980. С. 395). «Блядь не сестра, вор не брат» – объединяет двоих «зablудших» русская пословица, отчетливо указывая на их изгойство.

⁵¹ Психологическая ситуация прельщения «чужой» женой выражена, например, в пословице «Чужая жена – лебедушка, своя жена – польнь горькая» (Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 2. Москва, 1989. С. 242).

РАССКАЗ В. М. ШУКШИНА «СТРАДАНИЯ МОЛОДОГО ВАГАНОВА»

представления об идеальном образе женщины и его антиподе. В них – тысячелетний опыт жизни мужчины рядом с женщиной. Но его нельзя сводить к взгляду на женщину с мужской точки зрения. Это «коллективная» позиция. Она разделяется и женщиной-христианкой, поскольку ее санкция – Священное Писание. Важно уяснить, что в рассматриваемой архетипике представлен «взгляд Бога на человека»!

Ссылаясь на поучение новгородского епископа Ильи (ум. 1186)⁵², направленного не только против «злых жен», но и «против злых мужей», Б. А. Романов пишет, что о последних «христианская, да к тому же (кстати сказать) мужская литература не могла сохранить ничего аналогичного тому, что написано о злых женах»⁵³. Полагаю, что данный тезис требует корректировки. Трудно представить, что христианская «мужская литература» имела, но целенаправленно (или еще как-то) не сохраняла тексты о «злых мужьях». Таковые просто не могли быть написаны. С другой стороны, ориентируясь на христианские тексты, не так уж и сложно расписать психологемы, характеризующие мужское зло. Представления о «злой жене» (женщине) и «злом человеке» (мужчине) во многом идентичны⁵⁴! Специфически женским злом в текстах предстает нежелание женщины продолжить род, родить мужу детей, а также ее стремление властвовать над ним. Все остальные отрицательные свойства (из приведенного набора) присущи и мужчине.

В конкретных текстах, обнаруживающих архетипическую природу, реализуется тот или иной набор мотивов, который позволяет достаточно легко определить, что за образ и сюжет перед нами⁵⁵. Это не значит, что не возникает никаких затруднений, но о них стоит всякий раз говорить конкретно.

⁵² См. о нем: *Творогов О. В.* Иоанн // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 1 (XI – первая половина XIV в.). Ленинград, 1987. С. 208–210.

⁵³ *Романов Б. А.* Люди и нравы Древней Руси. Историко-бытовые очерки XI–XIII вв. 2-е изд. Москва ; Ленинград, 1966. С. 35–36.

⁵⁴ Психологически очень точно это показано Л. Н. Толстым на двойничестве Элен и Анатоля Курагиных. «Как похожи брат с сестрой!» – замечает граф Ростов в опере (*Толстой Л. Н.* Война и мир // *Толстой Л. Н.* Полное собрание сочинений : в 90 т. Т. 10. Война и мир. Москва, 1938. Т. 2. С. 328). Двойничество в том числе выявляется в тождестве типов «мужских магдалин» и «магдалин-женщин», к которым они принадлежат. Брат «прекрасной как день» Элен («прекрасный» Анатоль отнесен автором к разряду «мужских магдалин» (Там же. С. 335). Таким образом, Курагины обретают одно имя на двоих – Магдалина. В мифологеме имени («имя есть судьба») и образа (см. о Марии из Вифании, кающейся блуднице, отождествлявшейся в католической традиции и христианской легенде с Марией Магдалиной: Мк. 14, 3–9; Лк. 7, 37–50), объединяющих Анатоля и Элен, Л. Н. Толстым актуализируется семантика разврата.

Хотя данный пример и относится к эмансипированной культуре XIX в., тем не менее он очень показателен.

⁵⁵ Порой образ создается при помощи необычайно малого набора поэтических средств. Один из ярких примеров – стихотворение А. В. Кольцова «К М...»:

Подобных Маше очень мало
И в мире равных не бывало:
Лицо, движенья, речь и взгляд
Стальное сердце распалят.
Любить ее и я бы рад,
Когда б в груди не крылось жало,

В целом же приведенный комплекс психологом будет верно определить еще и как «язык архетипа». Это язык, который проявляет вкуче образ «внутреннего человека» и сущностные смыслы «сюжета-жизнеописания» – пути-судьбы. Необходимо обратить внимание на онтологическую природу и вытекающую из нее ценность данных дефиниций. Жизнеописание – основная величина, раскрывающая и позволяющая понять смыслы человеческого бытия. Важно, что в нашем архетипе она соотнесена с другой единицей – жизнеописанием Сына Божия. Человек, подобающий Богу или отступивший от Него, – вот скрытая проблематика архетипической сюжетности.

«Язык архетипа» – язык ментальный. Не ошибусь, если скажу, что весьма популярные исследования в области менталитета опираются *на произвольно выбранные* «ключевые слова», «концепты» и т. п. Нередко они содержат небезынтересные результаты, но не достигают основной цели. По крайней мере, мне не встречались работы, убеждающие в том, что в них действительно разгадана душа (какого-либо) народа. Что касается «языка архетипа», то он задает единственный способ описания ментальности – как системы, а это позволяет получить качественно иные результаты.

Архетипические единицы – это маленькое в большем: язык в языке, сюжет в сюжете. Это «код», самый сложный из всех известных культурно-языковых кодов. Задача читателя после того, как он овладел «кодом» / «языком архетипа», – обнаружить его в произведении, декодировать при его помощи сущностные смыслы текста в целом ⁵⁶.

«“Открытая” структура памятника позволила включить в его состав все новые и новые фрагменты», дополнять «текст новыми включениями», – пишет Л. В. Титова о бытовании «Беседы отца с сыном о женской злобе» ⁵⁷. Исследование показывает, что понятие «открытая структура» в данном случае необходимо распространить на архетипическую сюжетность в целом. Эта структура – часть матрицы русской культуры. Она моделирует множество

Когда б в любви ее – не яд.

«Жало» и «яд» – неотъемлемые атрибуты образа змеи. Перед нами типичный случай использования синекдохи: для того чтобы создать образ «злой жены», достаточно проявить соответствующие частные признаки, они же архетипические символы, раскрывающие сущность типа-характера. Очевидна оксюморонная природа образа. Сакральное значение имени Маша (как не вспомнить особую любовь к нему А. С. Пушкина), ожидания, которые оно порождает, разрушены символикой, несущей противоположные смыслы.

⁵⁶ В данной статье не ставится цель исчерпывающего описания языка архетипа. Это и сложно, а в определенном отношении и невозможно. Сложности возникают из-за очень большого количества текстов, ведь речь идет об историко-литературном процессе, растянувшимся более чем на тысячелетие. Резко увеличивает число психологем контекст произведения. (Если мотив, раскрывающий характер героя, однозначно является психологемой, то, например, цвет глаз или платья, качество ткани, его цена и т. п. в зависимости от контекста могут быть нейтральными мотивами, а могут быть и психологемами). С этим же языком мы столкнемся и в части фольклорных сюжетов. К тому же это язык нашей повседневности! Отсюда невозможность завершить процесс описания: проблематика разомкнута в живую жизнь, в частности, генерирующую новые тексты и новые единицы языка.

⁵⁷ Титова Л. В. Беседа отца с сыном о женской злобе. Новосибирск, 1987. С. 7.

РАССКАЗ В. М. ШУКШИНА «СТРАДАНИЯ МОЛОДОГО ВАГАНОВА»

текстов новой литературы, в том числе шукшинский текст. Далее заявленная проблематика будет рассмотрена на примере рассказа Шукшина «Страдания молодого Ваганова».

* * *

О том, что в сочинениях писателя доминируют отрицательные женские образы, писали многие авторы. Показательна сама «классификация» «жен» в шукшинских текстах. Иван Любавин (роман «Любавины») «где-то, когда-то <...> усвоил одну привычку – всех встречаемых и поперечных женщин <...> определять “хорошая” или “плохая”»⁵⁸. «Хорошая – плохая» – ослабленная оппозиция от «добрая – злая». Герой рассказа «Чудик» задается вопросом: «Не понимаю: почему они [жены] стали злые?»⁵⁹. Дядя Ермолай из одноименного рассказа насыляет своеобразное проклятие: «Штыбы вам... Жены злые попались!..»⁶⁰. Сереге Безменову из рассказа «Беспалый» попала именно такая. «Жил мужик. И была у него жена дура. Злая, капризная. Серега очень ее любил и жалел. Не раз дрался всерьез с мужиками, когда указывали ему на ее глупость. Но раз она так довела его, что он не сдержался и вмазал ей по уху. Она заревела. Серега пошел и отрубил себе на правой руке 2 пальца. Его в деревне прозвали “Отец Сергей”»⁶¹. Это черновой сюжетный план рассказа, значительно измененный при его воплощении. Повествование начинается так: «Все кругом говорили, что у Сереги Безменова злая жена. Злая, капризная и дура. Все это видели и понимали. Не видел и не понимал этого только Серега. Он злился на всех и втайне удивлялся: как они не видят и не понимают, какая она самостоятельная, начитанная, какая она... Черт их знает, людей: как возьмутся языками чесать, так не остановишь. Они же не знали, какая она остроумная, озорная. Как она ходит! Это же поступь, черт возьми, это движение вперед, в ней же тогда каждая жилочка живет и играет, когда она идет. Серега особенно любил походку жены: смотрел, и у него зубы немели от любви»⁶².

Используя описанные психоаналитические модели, достаточно просто в тончайших деталях раскрыть иллюзорность позиции влюбленного Безменова, неизбежность краха его любви – то, что он действительно соединил свою жизнь со «злой женой», блудницей, для жизни семейной совершенно непригодной.

⁵⁸ Шукшин В. М. Любавины // Собрание сочинений : в 8 т. Барнаул, 2009. Т. 2. С. 261.

⁵⁹ Шукшин В. М. Чудик // Собрание сочинений : в 8 т. Барнаул, 2009. Т. 3. С. 120.

⁶⁰ Шукшин В. М. Дядя Ермолай // Собрание сочинений : в 8 т. Барнаул, 2009. Т. 5. С. 178.

⁶¹ Шукшин В. М. Беспалый // Собрание сочинений : в 8 т. Барнаул, 2009. Т. 6. С. 314. Комментарии.

⁶² Там же. С. 50.

Та же тема, но в другом варианте реализована автором в рассказе «Страдания молодого Ваганова»⁶³ (оба произведения были опубликованы в 10-м номере журнала «Наш современник» в 1972 году! «Беспалый» варьирует, продолжает тему рассказа о Ваганове: а что было бы, если бы страстно влюбленный герой женился на «злой жене»...) ⁶⁴.

Георгий Константинович Ваганов – «выпускник юридического факультета, <...> работник районной прокуратуры». Еще недавно он упорно учился, а по окончании учебы «с легкостью» уехал в глухомань. Студентом Ваганов был влюблен в однокурсницу Майю Якутину. Она вышла замуж, Георгий вроде бы успокоился, и вдруг он получил от нее письмо. Майя писала, «что ее семейная жизнь “дала трещину”, что она теперь свободна и хотела бы использовать свой отпуск на то, чтобы хоть немного повидать страну – поездить. В связи с этим спрашивала: “Милый Жора, вспомни нашу старую дружбу, встреть меня на станции и позволь пожить у тебя с неделю – я давно мечтала побывать в тех краях. Можно?”».

Ваганов «хотел во всем разобраться, а разбираться тут было нечего: любил он эту Майю Якутину». «Оказывается, в таких делах не успокаиваются. Вчера, когда он получил письмо и понял, что оно от Майи, он сперва глазам своим не поверил. <...> У него так заколотилось сердце, что он всерьез подумал: “Вот так, наверно, падают в обморок”. И ничуть этого не испугался, только ушел с хозяйской половины дома к себе в горницу. Он читал его, обжигаясь сладостным предчувствием, он его гладил, смотрел на свет, только что не целовал – целовать совестно было, хотя сгоряча такое движение – исцеловать письмо – было». Ваганов «всегда знал: Майя ему не чета», а тут нахлынули новые внезапные мысли: «Неужели же она моей будет? Ведь не страну же она, в самом деле, едет повидать, нет же. Нужна ей эта страна, как...».

К этим вводным следует добавить, что время рассказа – раннее лето (очевидно, сибирское): «...еще лето только вступало в зрелую пору свою. Еще молодые зеленые силы гнали и гнали из земли ядреный сок жизни: все цвело вокруг, или начинало цвести, или только что отцвело, и там, где завяли цветки, завязались пухлые живые комочки – будущие плоды. Благодатная, милая пора! Еще даже не грустно, что день стал убывать, еще этот день впереди». (Значит, события происходят до 20 чисел июня). Само имя Майя – подчеркнуто весеннее: «Далекое имя, весеннее имя, прекрасное имя...». «Роль “весны” исполняет письмо от Майи»⁶⁵. А о самом герое автор повторяет «молодой», «молодой», «молодой» – «трижды молодой».

⁶³ Шукшин В. М. Страдания молодого Ваганова // Собрание сочинений : в 8 т. Барнаул, 2009. Т. 6. С. 24–35. Далее цитаты из рассказа «Страдания молодого Ваганова» приводятся без указания страниц.

⁶⁴ Данный вариант очень ярко воплощен и в рассказе «Жена мужа в Париж провожала» (1971). См.: Васильев В. К. Сюжетная типология русской литературы XI–XX веков. Архетипы русской культуры. От Средневековья к Новому времени. Красноярск, 2009. С. 208–211.

⁶⁵ Десятов В. В. Страдания молодого Ваганова // Творчество В. М. Шукшина : энцикл. слов.-справ. Барнаул, 2007. Т. 3. С. 272. См. в данной статье другие предложенные автором толкования.

РАССКАЗ В. М. ШУКШИНА «СТРАДАНИЯ МОЛОДОГО ВАГАНОВА»

Так Шукшин конструирует начальную сюжетную ситуацию: герой внезапно оказался перед выбором, необходимостью не затягивая принять ни больше, ни меньше как судьбоносное для него решение.

Казалось бы, исход «волнующей загадки» ясен: любовь, подчеркнутая молодость как начало той поры, когда жизнь должна преобразиться, зацвести, обещая первые плоды, плюс символическое цветение природы и красота Майи (совсем недавно еще недоступной!) победят все – встреча неизбежна! Автор мастерски соединяет обыденное и исключительное, тонко подчеркивает преимущество обладания красавицей: «она же женщина, способная сварить борщ и способная подарить радость, которую никто больше не в состоянии подарить, то есть она женщина, как все женщины, но к тому же изящная, как куколка». «Все утро сегодня сладостно зудилось: вот сядет он писать... И будет он эти красивые, оперенные слова пускать, точно легкие стрелы с тетивы – и втыкать, и втыкать их в точеную фигурку далекой Майи. Он их навтыкает столько, что Майя вскрикнет от неминуемой любви... Пробьет он ее деревянное сердечко, думал Ваганов, достанет где живое, способное любить просто так, без расчета».

Однако молодой человек... откажется от необыкновенной красавицы, в которую влюблен. В чем же причина?

Что читатель знает (вслед за Жорой) о Майе, кроме того, что она «изящная, как куколка»? То, что она «гордая девушка с точеным лицом». Ваганова всегда «не оставляло навязчивое какое-то, досадное (!) сравнение: Майя похожа на деревянную куклу, сделанную большим мастером». На их курсе Майю любили четыре парня, но «все остались с носом». Перед окончанием учебы она вышла замуж за какого-то, «как прошла весть, талантливый физика. Все решили: ну да, хорошенькая, да еще и с расчетом. Они все так, хорошенькие-то. <...> Жалко, конечно, но... А может, и не жалко, может, это и к лучшему: получи он Майю, как дар судьбы, он скоро пошел бы с этим даром на дно. Он бы моментально стал приспособленцем: любой ценой захотел бы остаться в городе, согласился бы на роль какого-нибудь мелкого чиновника... Не привязанный, а повизгивал бы около этой Майи». Таковы «успокоительные» мысли того, кому «дар» не достался.

Рассказ выстроен так, что молодому Ваганову предоставляется возможность увидеть свое будущее. (Замечу, что прогностика, видение будущего со «злой женой» – постоянная тема рассматриваемого сюжетно-мотивного комплекса). При этом автор не пользуется условно-экспериментальными, нарочито театральными приемами (как, например, в повести-сказке «Точка зрения» (1967) ⁶⁶ или в рассказе «Билетик на второй сеанс» (1971) и др.), он, по сути, повторяет прием Ф. М. Достоевского, использованный в романе «Преступление и наказание». После совершения преступления Раскольников занят разгадкой двух занимающих его лиц – Сони и Свидригайлова. Еще в сцене первого прихода к Раскольникову Аркадий Иванович пытается внушить ему представление о некоей общности между ними. Он трижды сформулирует фразы с одним и тем же смыслом: «Ну, не сказал ли я, что

⁶⁶ См.: Рыбальченко Т. Л. Точка зрения // Творчество В. М. Шукшина : энцикл. слов.-справ. Барнаул, 2007. Т. 3. С. 286–292.

между нами есть какая-то точка общая, а?»⁶⁷; «Ну, не правду я сказал, что мы одного поля ягоды?» (С. 273); «Я ведь от вас очень недалеко стою» (С. 276). Шпионящий за Раскольниковым, (в свою очередь) разгадывающий его Свидригайлов прав. Родион – убийца и вор, Аркадий Иванович тоже. К тому же он развратник и насильник. Раскольникову придется принять и это, и в принципе любое преступление, встань он окончательно на дорогу Свидригайлова. Недаром разгадка внутренней природы Сони и Аркадия Ивановича связана для Родиона с выбором: «тут – или ее дорога, или его» (С. 437) – или покаяние, или окончательное утверждение на идее преступления. В Свидригайлове он вскоре убеждается «как в самом пустейшем и ничтожнейшем злодее в мире» (С. 446). Раскольников испытывает психологическую невозможность для себя такого будущего – стать окончательным двойником Аркадия Ивановича. Психоаналитическая загадка оборачивается разгадкой и закономерным результатом: «Глубокое отвращение влекло его [Раскольникова] прочь от Свидригайлова» (С. 460).

Сложно сказать, насколько Шукшин усваивал такого рода нравственно-философские, религиозно-психологические уроки Ф. М. Достоевского (тому явно препятствовало увлечение фигурой Степана Разина) и следует ли он сознательно в рассказе «Страдания молодого Ваганова» рассмотренной повествовательной схеме. Но то, что он пользуется аналогичной схемой, – факт.

Собственное будущее с Майей является молодому Ваганову в виде истории Павла Попова и его жены.

Попов приходит на прием к прокурору в момент, когда тот готовился писать ответ Майе, и читателю вполне ясно, что он готов пригласить возлюбленную. Но три встречи – с Поповым, с его женой и опять с Поповым – кардинально изменяют его настрой.

Павел принес следователю «характеристику» на жену, которая «нарочно посадила» его на пятнадцать суток, а сама жила с соседом Мишкой – тот «сроду от чужого не откажется». За все, что написал в «характеристике», Павел ручается головой: «Жили, собаки! На другой же день стали жить. Их Колька Королев один раз прихватил...».

Развестись Попов, как советует ему собеседник, не готов. «А куда я пойду – разведусь-то? Она же дом отсудит? Отсудит. Да и это... ребятишки еще не оперились, жалко мне их...». Ребятишек трое. «Меньшому только семь, я люблю его до смерти... Мне на стороне не сдюжить – вовсе соплюсь», – признается *молодому* Ваганову мужчина, которому лет «под пятьдесят». Он готов и дальше жить с женой, которая «хвостом раз-другой вильнула». Говорит Павел о своем желании твердо – «только пусть это больше не повторяется».

Дело осложняется тем, что жену и соседа-любовника обиженный муж избил, жена уверяет Ваганова, что он грозит прирезать обоих, теперь они собираются посадить его. «И посадят, у их свидетелей полно, медицинские

⁶⁷ Достоевский Ф. М. Преступление и наказание // Собрание сочинений : в 15 т. Ленинград, 1989. Т. 5. С. 270. Далее ссылки на страницы приводятся в круглых скобках.

РАССКАЗ В. М. ШУКШИНА «СТРАДАНИЯ МОЛОДОГО ВАГАНОВА»

экспертизы обои прошли... Года три впаяют». Характеристику он принес по подсказке мужиков: «чтоб навстречу тоже бумаги двинуть. Может, посмотрят, какие они сами-то хорошие, и закроют дело».

Ваганов полагает, что «похоже, мужик говорит всю горькую правду». В этот же день он «убедился, что прав Попов: изменяет ему жена. Да еще и нагло, с потерей совести». «Ну нет, так просто я вам мужика не отдам», – уже со злостью думает следователь прокуратуры, понимая, что закон на стороне Поповой. Читателю ясно, что он развалит дело, не позволит жене и любовнику посадить Павла.

Выстроим в ряд психологемы, раскрывающие образ-характер Поповой, «миловидной еще женщины лет сорока». Не сложно понять, что «миловидность» в данном сюжете выступает как сомнительное качество. (Ср.: «Миловидность обманчива и красота суетна» [Притч. 31, 30]). Она связана с мотивом блуда – Попова «скурвилась», «изменяет» мужу «да еще и нагло, с потерей совести» / «бессовестная»; ненавидит его (желает посадить в тюрьму, чтобы жить с любовником). Ее безразличие, нелюбовь к детям, отсутствие заботы об их будущем выдает фраза: «такого отца иметь – лучше не иметь». Павел за сохранение семьи по большей части из-за детей, из-за любви к ним. Он переживает за «неоперившихся» ребятишек, больше всего – за младшего, которому всего семь лет. Попова же говорит, что «они уж теперь большие». Именно в сознательном, детском и подростковом возрасте дети получают наибольшую травму при разводе родителей. Блудливая мать подобные последствия развода в расчет не берет. Попова «эгоистка <...> действует тупо, просто»; «плохая», лживая, «не робкая», «бойкая», «обнаглевшая», «уверенная бабочка». Важно, что она продавец, «профессиональная потребительница». Это одна из нелюбимых Шукшиным профессий. «Я боюсь чиновников, продавцов и вот таких, как этот горилла», – писал Василий Макарович в автобиографическом рассказе «Боря»⁶⁸.

Сегодняшнему читателю не понятно, по какой причине можно столь неприязненно относиться к продавцам, вроде бы – к обыкновенным работникам. Здесь нужен комментарий на тему «советский продавец»⁶⁹.

В СССР эпохи «развитого социализма» и тотального дефицита, продавец – совершенно особая фигура. Если не по статусу, то по факту продавец ничем не ниже чиновника, поскольку обладает дефицитом. С ним не просто считаются, но часто ищут знакомства. «Своего человека» он может снабдить товаром или нужной информацией: например, подсказать, когда и где этот товар «выбросят» (специфическое слово из советского лексикона). По понятным причинам семья продавца материально живет лучше, чем рядовые семьи. Работник прилавка нередко нечист на руку, легко соблазняется «заработком» на перепродаже дефицита и т. п. Таким образом, в советское время профессия эта вырабатывала у человека совершенно определенные

⁶⁸ Шукшин В. М. Боря // Собрание сочинений : в 8 т. Барнаул, 2009. Т. 7. С. 36.

⁶⁹ См. раздел «Продавцы против покупателей: хронотоп магазина» в кн.: Куляпин А. И. Семиотика художественного пространства В. М. Шукшина. Барнаул, 2016. С. 48–56.

черты характера. Не случайно с молодым следователем Попова разговаривает «с замашками продавцовской фамильярности». Прав А. И. Куляпин, когда, ориентируясь на шукшинские «контекстуальные синонимы» – «чиновники – продавцы – хулиганы», – пишет, что «с одной стороны, работник торговли близок к власти имущим, с другой – к маргинальным асоциальным элементам»⁷⁰. (Уточнение заключается в том, что к последним у Шукшина часто принадлежат и чиновники).

В рассматриваемом рассказе Шукшин, несомненно, выражает личную философию – свое отношение к названной профессии, а более всего – к женщинам, браку, семейной жизни. Однако если бы в этом личном не было высказано общее, очень точное и глубокое понимание итогов тех трансформаций, которые испытал институт семьи со времен начала эмансипации, то размышления автора, как говорится, при нем бы и остались, не вызвали бы особого отклика у читателей и интереса исследователей.

«Бестолковая история неумелой жизни», которая только что предстала перед глазами Ваганова, возведена писателем в разряд всеобщего, универсального. Молодой человек бессознательно спроецировал на нее свое будущее с Майей. После первой встречи с Павлом он сидит перед белыми листами бумаги и спрашивает: «Ну что, Майя? Что будем делать?». Но это вопрос уже к несколько другой Майе, глубже понятой через образец – жену Попова. Поэтому закономерно и продолжение: «Подождал, что под сердцем шевельнется нежность и окатит горячим, но горячим почему-то не окатило». В психоанализе такая реакция понимается как ответ бессознательного. В данном случае это ответ из разряда тех, в которых не сомневаются.

Потенциальный жених не хотел примерять историю Поповых на себя – «мало ли их прошло уже и сколько еще пройдет!», – но против своей воли примерил. Он надеялся пробить сердечко Майи, надеялся на перемену и бескорыстную любовь, на какую-то особую, «свою не простую, не маленькую, как хотелось и думалось, жизнь». «Но вот теперь вдруг ясно и просто думалось: “А может, она так? Способна она так любить?” Ведь если спокойно и трезво подумать, надо спокойно и трезво же ответить себе: вряд ли. Не так росла, не так воспитана, не к такой жизни привыкла... Вообще не сможет, и все».

Характеристики Майи Якутиной из того же ряда, что и характеристики Поповой. «Неспособная» любить «гордая девушка с точеным лицом» и «точеной фигуркой»; похожа «на деревянную куклу, сделанную большим мастером <...> на куколку, на изящную куколку» с непробиваемым «деревянным сердечком»; «расчетливая», как все «хорошенькие». «Деревянное» здесь «мертвое» – в тексте оно прямо противопоставлено «живому». Ваганов (читай Шукшин) ставит знак тождества между Якутиной и Поповой, более того, в чем-то оценивает Майю ниже: «такая же, в сущности, профессиональная потребительница, эгоистка, только одна действует тупо, просто, а другая умеет и имеет к тому неизмеримо больше». Фраза «нужна ей эта страна, как...» тоже не случайна в характеристике Якутиной. Любовь к малой родине и к России всегда были для Шукшина мерилем человеческой подлинности.

⁷⁰ Куляпин А. И. Семиотика художественного пространства... С. 51.

РАССКАЗ В. М. ШУКШИНА «СТРАДАНИЯ МОЛОДОГО ВАГАНОВА»

Если кажется, что автор мало сказал, что образ Майи не ясен или же представляется, что после развода (очень скорого!) с «талантливым физиком» она действительно смогла «здорово переосмыслить свою жизнь и жизнь вокруг», то никаких оснований думать так текст нам не дает. В подобных ситуациях от человека требуется не только переосмысление, но и иное, гораздо большее, чего никак не просматривается в этом и в других рассказах Шукшина, персонажами которых являются «злые жены». Автором сказано абсолютно все, для того чтобы понять, почему образ Майи так пугает «трижды молодого» и влюбленного Ваганова.

Читатель не в курсе того, насколько молодой человек понимает женщин, знает их природу. Можно предположить, что мало знает. Если он поступил на юридический после школы и потратил на учебу пять лет, то сейчас ему 22–23 года. На студенческие годы приходится опыт его увлечения Майей. Теперь он стоит на пороге самостоятельной жизни, перед выбором – жениться на ней или нет. Попову «под пятьдесят». Его жизненный опыт позволяет подводить итоги. (В данном случае интересно совпадение с возрастом Раскольников и Свидригайлова, героев, символизирующих в романе Ф. М. Достоевского «начало» и «конец» осмысленно выбранного жизненного пути). Эти итоги являют Ваганову зримый пример, раскрывающий внутреннюю природу современной женщины. Пример этот и служит причиной, отталкивающей его, по крайней мере, от брака с точеной красавицей Майей⁷¹.

Союз Поповых предстает в рассказе, если пользоваться опять же определениями Ф. М. Достоевского, как вариант «случайного семейства». На вопрос Ваганова «как вы поженились-то?» Павел отвечает: «Обыкновенно. Я с войны пришел, она тут продавцом в сельпе работала... Ну сошлись. Я ее и раньше знал». Вспомним о миловидности его избранницы. О многом говорит и портрет самого Попова. «Когда-то он, наверно, был очень красив. Он и теперь еще красив: чуть скуласт, нос хищно выгнут, лоб высокий, чистый, взгляд прямой, честный...». За такого мужика, да еще после войны, когда бесчисленное число женщин оставались одинокими, пошла бы любая.

Когда Попов понял, что Ваганов хочет услышать от него правды «и хочет – всей, полной (!)», он ее «свободно, убежденно» выложил. «С той стороны, с женской, оттуда ждать нечего. Это обман сплошной. Я тоже думал об этом же... Почему же, мол, люди жить-то не умеют? Ведь ты погляди:

⁷¹ Типологически ситуация, представленная в данном рассказе, соответствует ситуации «Пьер и Элен» в романе Л. Н. Толстого «Война и мир». Речь идет о периоде сближения Безухова с Курагиной. Двадцатилетний юноша тоже пытается разгадать свою невесту, но ему не хватает ни жизненного опыта, ни трезвости, и он попадает в расставленную ловушку, женится на «злой жене», что и определяет многие его жизненные катастрофы и семейное несчастье. (См.: *Васильев В. К.* К описанию архетипического сюжета о «добрых» и «злых женах» в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» // Лев Толстой и время. Томск, 2010. С. 26–27). Ваганов же в буквальном смысле учится на чужих ошибках. Как следователь он вполне обладает профессиональными навыками психоаналитика, умеющего проникать в сущность вещей и выдавать безупречную прогностику.

что ни семья, то разлад <...> то какой-нибудь да раскосяк. Почему же так? А потому, что нечего ждать от бабы... Баба, она и есть баба».

Семейный опыт Попова Ваганов определяет как «горе», «неудачу». Однако собеседник лишь пожимает на это плечами. «Скажи мне тогда: “Не женись, мол, Пашка, ошибесся”. Что я на это? Послал бы подальше этого советчика и делал свое дело. Так оно и бывает». Попов убежден, что жениться нужно. «Семья человеку нужна; это уж как ни крутись. Без семьи ты пустой нуль. Чего же тогда мы детей так любим? А потому и любим, что была сила – терпеть все женские выходки». В существование «нормальных семей» он не верит: «Да где?! Притворяются. Сор из избы не выносят. А сами втихаря... бушуют». Павел советует Ваганову, как жить с такой философией, в таком «мраке»: «Так и жить: укрепиться и жить. И не заниматься самообманом. Какой же она друг, вы что? Спасибо, хоть детей рожают...».

Не только «злая жена» является причиной разлада в семье Поповых. Неоднозначен образ-характер Павла. Отчасти автор сакрализует его. Попов прошел войну. В последнем интервью на съемках фильма «Они сражались за Родину» Шукшин сказал: «Я принадлежу к поколению, которое не воевало по возрасту. И все же я в игре своей должен привести зрителя к преклонению перед этими людьми. *Они святые люди*. Они сражались за Родину. Они спасли Родину. Они победили» (курсивом выделено мною. – В. В.)⁷². Попов рано остался сиротой. Мать с отцом умерли до войны – «угорели»⁷³, два старших брата убиты на войне, две тетки тоже померли. О племянниках, разъехавшихся по городам, он ничего не знает. Несмотря на все испытания, которые довелось пережить, Попов в чем-то остался ребенком. Ваганов вспоминает «его честный, прямой взгляд, его умный лоб». «Какие все же удивительные у него глаза: не то доверчивые сверх меры, не то мудрые. Как у ребенка ясные, но ведь видели же эти глаза и смерть, и горе человеческое, и сам он страдал много... Не это ли и есть сила-то человеческая – вот такая терпеливая и безответная? И не есть ли все остальное – хамство, рвачество и жестокость?» (эти характеристики служат дополнением к образу его супруги), – думает Ваганов, глядя на Павла. Когда тот впервые появляется в кабинете, он подмечает его «длинные рабочие руки, которые он не знал куда девать». «В этом описании выделяется характеризующая деталь,

⁷² Тимофеев А. «Шукшин Василий: “Ванька смотри!”» // Столетие. Интернет-газета. URL: http://www.stoletie.ru/kultura/vasilij_shukshin_vanka_smotri_823.htm (дата обращения: 19.04.17).

⁷³ Возможно, в данном случае Шукшин обыгрывает едва не случившуюся смерть матери, Екатерины Сергеевны, свою и сестры Наташи. «Чтобы понять это, надо знать биографию Шукшина, – объясняет Валерий Фомин. – Его отца расстреляли в 30-е годы. Тогда в деревне взяли почти всех мужиков. И всех положили. Мать – совсем молодая женщина, оставшись одна с двумя детьми на руках, решила покончить жизнь самоубийством. Взяла Васю и младшую – Наташу, забралась в печку и задвинула заслонку, надеясь, что они угорят насмерть. К счастью, в избу вошла соседка, которой понадобилась какая-то мелочь по хозяйству, и вытащила их оттуда» (*Шукшина Ю. Обожженный властью // Аргументы и факты*. 2009. № 30. (22–28 июля). С. 22). См. также: *Гришаев В. Шукшин. Сростки. Пикет*. Барнаул, 1994. С. 30–31.

РАССКАЗ В. М. ШУКШИНА «СТРАДАНИЯ МОЛОДОГО ВАГАНОВА»

несущая явный положительный заряд – рабочие руки, которые не привыкли бездельничать»⁷⁴. Добавлю, что в описании просматривается и стеснительность, скромность рабочего человека. Конечно же, еще и сама ситуация заставляет его чувствовать себя неудобно, стесняться в кабинете молодого прокурора.

Вину за случившееся глава семейства берет и на себя. «Я сам виноватый: шумлю много, не шибко ласковый... Если б был маленько поласковей, она, может, не додумалась бы до этого». Попов выпивает. Надо полагать, увлекся он этим делом до разлада с женой. Семья для него – все, он боится, потеряв ее, окончательно спиться. К прокурору он явился «помятым, несвежим» – «вчера выпил изрядно, с утра кое-как побрился, наспех ополоснулся... Эхма!». Автор рисует явно не идеального мужа и семьянина, а человека в определенной мере несостоятельного. Л. Г. Бабенко и Ю. В. Казарин пишут, что прилагательные, характеризующие Попова, «сигнализируют сложное субъективно-эмоциональное отношение к персонажу. С одной стороны, явно ощущается симпатия, вызываемая его красивой внешностью, честностью и открытостью взгляда. С другой стороны, чувствуется неодобрение и сожаление, усиленные и акцентированные завершающим контекст междометием»⁷⁵. «В целом, по отношению к Ваганову и Попову в рассказе доминирует одобрительно-ироническое отношение автора»⁷⁶. На мой взгляд, нет основания для того, чтобы не согласиться с данным утверждением. Однако ему противоречит другой вывод авторов: «супруги Поповы воспринимаются Вагановым в разных по оценочности эмоциональных зонах, так как являются носителями антагонистических чувств: Попов – в зоне положительных эмоций, Попова – в зоне отрицательных эмоций»⁷⁷. Это крайнее обобщение не соответствует семантике текста. Только что было подмечено ироническое отношение Ваганова к Попову, а ирония – отрицательная оценочная реакция. Пьянство – укорененный порок в облике Попова. Он признается Ваганову, что боится «вовсе спиться» из-за возможного развода с женой. Это раздражает прокурора: «Вы уж прямо как... паралитик какой: “не сдюжу”, “сопьюсь”». Здесь также прямо высказана не одобрительная, а противоположная оценка. Она прояснена в разговоре об «избиении» жены и ее любовника. «Опять не сдюжил! Ах ты, господи, – какие ведь мы несдюжливые! <...> Зло брало на мужика, и жалко его было». Таким образом, эмоциональные оценки Попова частью находятся «в зоне отрицательных эмоций» Ваганова. Пьянство, безволие – качества далеко не украшающие мужчину, к тому же семейного, воспитывающего троих детей⁷⁸. Дело не

⁷⁴ Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В. Лингвистический анализ художественного текста: Теория и практика : учебник; практикум. 5-е изд. Москва, 2008. С. 144.

⁷⁵ Там же. С. 144–145.

⁷⁶ Там же. С. 146.

⁷⁷ Там же. С. 147.

⁷⁸ «Добрых жен» у Шукшина катастрофически мало, но они есть. В частности, такой женой является Люба Байкалова в «Калине красной». Показательна мотивная характеристика героини. Люба «добрая и ясная», у нее «милое русское простое лицо», «доверчивость» на лице (на фотографии). (См.: Шукшин В. М. Калина красная // Шукшин В. М. Собр. соч.: В 8 т. Барнаул, 2009. Т. 6. С. 201). При первой встрече Егор восхищен: «да она просто красавица!» (Там же. С. 212). В сцене, когда Люба приходит из бани: «Такая она была хорошая! Егор невольно загляделся на нее»

только в эмоциях, а в том, что отрицательные свойства характера Павла явно не способствуют укреплению отношений с женой. Но первенство в деле разрушения семьи, конечно же, за Поповой.

Стоит отметить, что профессию юриста Шукшин тоже не любил. Так, в фильм «Калина красная» он вводит дополнительного персонажа-антагониста главного героя, «леди Гамильтон⁷⁹ из районной прокуратуры» (ее нет в одноименной киноповести). Пожалуй, абсолютно фарсовое решение сцен с ее участием говорит о том, что психологически Егор несовместим с нею в большей степени, чем с директором⁸⁰. «Антиюридическая» линия в фильме слегка намечена в сцене знакомства Егора и Любы. Она рассказывает о родных: «У брата еще дочка. Она сейчас десятилетку заканчивает». Егор: «Хорошо... Потом куда? На юридический?» (В киноповести этой фразы нет. После слов о десятилетке сказано: «ему кисло сделалось от такой родни»⁸¹). В интонации вчерашнего зека слышна неприкрытая ирония. Понятно, почему. Для позднего Шукшина юрист – олицетворение репрессивного государственного аппарата. Вспомним замечательную и очень верную шутку писателя в «Точке зрения» – ответ Жениха на вопрос Отца Невесты «вы юрист?»: «Я, так сказать, антиюрист <...> Я филолог»⁸².

Однако нет никакой загадки в том, почему в рассматриваемом рассказе автор избирает в героиню юриста. Для сюжета нужен молодой, начинающий самостоятельную жизнь человек. Очень продуктивно, если он будет еще и следователем – тем, кто призван дотошно разбирать конфликты и преступления, судьбы и характеры, залезать в чужие души. (И разве не схоже его занятие с писательским? Оба, по сути, имеют одну и ту же психоаналитическую природу).

(Там же. С. 218). (Мотив красоты в данном случае не связан с семантикой блюда). Ср. перед отъездом Егора в «райгород»: он «засмотрелся на нее, на утреннюю, хорошую. И почувствовал тревогу от возможной разлуки с ней» (Там же. С. 226). «Милая женщина, простецкая, не дура, какая-то родная сразу» (Шукшин В. М. Калина красная // Собрание сочинений : в 5 т. Т. 3. Екатеринбург. 1992. С. 317). (В 8-томнике эта характеристика отсутствует. См.: Шукшин В. М. Калина красная... Барнаул, 2009. С. 220). После несостоявшегося «бардака» при воспоминании о ней в душе Егора встрепенулась «какая-то радость» (Там же. С. 235). Именно из-за Любы ему сразу же хочется «освоиться» в ее семье. (См.: Там же. С. 220). Благодаря ей жизнь Егора начинает выпрямляться и устраиваться, как и положено по законам сюжета о «доброй жене». В том, что он погиб, она не виновата.

Первая семья Любы развалилась. «Муж был пьянчуга – выгнала. А на людей все равно не обозлилась» (Там же. С. 201). Не стоит обсуждать вопросы о том, как жены воспринимают мужское пьянство и как оно влияет на семейные отношения.

⁷⁹ Шукшин, несомненно, не случайно использует это ставшее нарицательным имя – за ним тянется целый шлейф смыслов, прочно увязанных с образом «злой жены».

⁸⁰ В этом отношении мне видится странным замечание Е. С. Громова: «Шукшин не то подсмеивается над ее жестковатыми манерами, не то симпатизирует ей» (Громов Е. Духовность экрана. Москва, 1976. С. 174). Симпатии автора (как и Егора Прокудина) к следователю, в частности, пользующемуся служебным положением, – что там сунул ей пасечник?.. – заметить сложно.

⁸¹ Шукшин В. М. Калина красная // Собрание сочинений : в 8 т. Барнаул, 2009. Т. 6. С. 213.

⁸² Шукшин В. М. Точка зрения (повесть-сказка) // Собрание сочинений : в 8 т. Барнаул, 2009. Т. 3. С. 276.

РАССКАЗ В. М. ШУКШИНА «СТРАДАНИЯ МОЛОДОГО ВАГАНОВА»

Василий Макарович делает героя отчасти своим двойником. Ваганов умен, честен и амбициозен, он ждет «от жизни всего», ему хочется, чтобы она была «не маленькой». Слово «карьера» не звучит в рассказе, но какие же планы еще могут быть у Ваганова, кроме желаний реализоваться в профессии, на службе? В жене он хотел бы видеть «настоящего друга». Он, как и Попов⁸³, знает, «как должны жить люди, это все знают», «надо, чтоб жизнь была дружная, чтоб все вместе: горе – горе, радость тоже...». Но при всей любви к Майе знает и то, что она ему никогда «другом настоящим не будет».

Григорий досадует на себя от того, что так впечатлился примером чужой жизни: «повело тебя, милый: заегозил»; «дурацкое дело – наверно по молодости – работу мешать с личным настроением. Надо отмежевываться. Надо прощсе»; «крючок конторский», «слизняк» – он ругает себя за врожденную (!) «трусость: как бы чего не вышло! <...> “Плебей, сын плебея! Ну, ошибись, наломай дров... Если уж пробивать эту толщу жизни, то не на карачках же! Не отнимай у себя трезвого понимания всего, не строй иллюзий, но уже и так-то во всем копать... это же тоже пакость, мелкость. Куда же шагать с такой нищей сумой!”»⁸⁴. Однако история Поповых «как проклятие, как начало помешательства...». «Точно камнем в окно бросили – все внутри встревожилось, сжалось...» от «потаенной мысли», что Майя «такая же», а то, как говорят, и почище... «Но это-то и хуже – мучительнее убьет». Именно эту опасность почувал Ваганов в союзе с Майей. Он любит «и боится сближения с ней. Боится ответственности, несвободы, боится, что не будет с ней сильным и деятельным, и его будущее накроется». «Пропаду, боюсь, с ней. Это ж на нее только и надо будет работать: чтоб ей интересно жить было, весело, разнообразно... Ну, в общем, все мои замыслы побоку, а только ублажай ее», то есть всю жизнь терпи капризы, исполняй прихоти, подчиняйся воле «гордой», властолюбивой деревянной куколки.

Итак, рассказ выстроен в психоаналитической форме. Роль психоаналитика отведена персонажу вполне подходящему – следователю. «Лексические повторы, недосказанные фразы, ряды однородных сказуемых фиксируют мучительный процесс в душе героя: “искал”, “находил”, “отвергал”, “снова искал”»⁸⁵. Процесс, происходящий в душе Ваганова, на самом деле мучителен. К тому же он очень быстрый. С момента получения письма от Майи, вызвавшего у молодого человека любовную горячку, до состояния, когда он испытывает «совершенно тупой покой», проходит всего три дня. Внутри этого временного отрезка – эмоциональные, нервные падения и пики, в частности, разорванные испсиховавшимся человеком листы ночного письма-ответа, которое он начинал раз двенадцать.

Специфика ситуации заключается в том, что через «бестолковую», «неумелую» историю жизни супругов Поповых Ваганов разгадывает собственное будущее с Майей. «Мало ли их прошло и сколько еще пройдет!» – таких

⁸³ Напомним, что Попов – фамилия матери, которую Шукшин носил до совершеннолетия. Отсюда название цикла рассказов: «Из детских лет Ивана Попова».

⁸⁴ Вероятно, эти мысли Ваганова вызывают иронию и отвращение у части читателей. (См.: *Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В.* Лингвистический анализ художественного текста: Теория и практика : учебник; практикум. 5-е изд. Москва, 2008. С. 154).

⁸⁵ *Кукуева Г. В.* Лингвопоэтическая типология текстов малой прозы (на материале рассказов В. М. Шукшина) : автореф. дис. ... докт. филол. наук. Барнаул, 2009. С. 16.

вот историй. Но это не просто мысль, касающаяся постороннего, внешнего. Обобщение молодого прокурора предельно: «Все они [жены] одинаковы!». В нашем и шукшинском контексте это означает «злые». (Еще одна намеченная в рассказе в самом общем виде семейная история – Мишки и его жадной, по словам Поповой, жены. Ясно, что она из того же ряда).

Ваганов заранее, разгадав Майю, включает в ряд бесполовых историй и свою предполагаемую жизнь с ней. В тот момент, когда он целиком занят решением «волнующей загадки в своей судьбе», перед ним появляется Попов: «но тут дверь кабинета медленно, противно заныла...». Так явилась отгадка, а вместе с ней и судьба – какая-то другая, без Майи. «В данном фрагменте наблюдаем предупредительно-тревожную оценку будущей, еще не состоявшейся ситуации, сигналом которой является включенный предикат с семантикой отрицательного воздействия (*противно*)»⁸⁶. Действительно, это сейчас в горячке молодости и страсти Ваганов готов заключить Майю в объятия. Его состояние передано автором в сцене чтения письма от нее: он читает его, «*обжигаясь сладостным предчувствием, он его гладил, смотрел на свет, только что не целовал*» (курсивом выделено мною. – В. В.). Все здесь сильно, сверх меры, дело даже чуть не доходит до обморока. Но это начало. А что будет потом? Потом придет день, когда станет... противно! Если он «со злостью», неприязнью, отторжением думает о Поповой, то рано или поздно ему придется не просто *так же* думать о Майе, а и сказать ей в лицо все, что он понял о ней, – скандал и разлад с такой женой неизбежен. Он верно разгадал, что «непростой, не маленькой» жизни с Майей не получится. Пошлость или гибель (одно другого стоит!) – вот будущее, которое ему открылось.

Подлинная архетипика всегда психоаналитична. Что касается исследуемой системы, то повторю: *в ней сокрыт взгляд Бога на человека*. Это важно отметить еще и потому, что типичным является тезис: «точка зрения автора и его образ главенствуют в произведении»⁸⁷. Он нуждается в существенном дополнении. Шукшин сам объяснил позицию по отношению к своим героям: «Но ведь и сужу-то я судом высоким, поднебесным»⁸⁸. Именно этот взгляд и транслирует писатель в своих поздних рассказах. Глубина его реализации несет ответ на вопрос «что с нами происходит?» и ставит Шукшина как художника слова в ряд великих классиков русской литературы. Психоаналитическая одаренность – непереносимое условие попадания русского писателя в классики.

Аналитика Шукшина является художественно-научной. На последний аспект классических текстов давно пора обратить самое пристальное внимание. Научным феноменом здесь выступает социопсихоанализ. У Шукшина он несет в себе диагноз, свидетельствующий о глубоко болезненном духовном состоянии мужчины и женщины. Сегодня, как и века назад, они пытаются найти счастье и смысл в семье, продолжить себя в детях. Патологию как залог неосуществления каждый несет в себе. Женщина – в большей степени, чем мужчина. Так, по Шукшину. Весь вопрос в том, куда еще приведет это состояние?

⁸⁶ Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В. Лингвистический анализ... С. 147.

⁸⁷ Там же. С. 148.

⁸⁸ Шукшин В. М. Рабочие записи // Шукшин В. М. Собр. соч.: В 8 т. Т. 8: Публицистика. Статьи. Интервью. Беседы. Выступления. Письма. Рабочие записи. Автографы. Документы. Стихотворения. Барнаул, 2009. С. 283.